Спаси меня

Автор:
Мона Кастен

Спаси меня

Мона Кастен

Макстон-холл #1

Любовь, страсть, привязанность – Руби Белл боится всего этого как огня. Ей нужно лишь окончить Макстон-холл, одну из самых престижных школ Англии, и уехать подальше. Отношения в ее планы не входят! Но как выжить одной, когда ты обычная девушка, а все вокруг высокомерные выскочки? Особенно Руби не нравится Джеймс Бофорт. Он слишком уверен в себе, слишком привлекателен, слишком опасен. В здравом уме она ни за что бы не стала с ним общаться, вот только у судьбы другие планы. Вскоре жизнь Руби безвозвратно изменится.

Мона Кастен

Спаси меня

Mona Kasten

SAVE ME

Copyright © 2018 by Bastei L?bbe AG, K?ln

Cover design: © Sandra Taufer Grafikdesign

Cover image: © Shebeko / shutterstock

Перевод с немецкого Алины Приймак

© Приймак А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Люси

I was the city that I never wanted to see,

I was the storm that I never wanted to be.

GERSEY, ENDLESSNESS

1

Руби

Моя жизнь поделена на цвета.

Зеленый – важное!

Бирюзовый – школа.

Розовый – организационный комитет Макстон-холла.

Фиолетовый – семья.

Оранжевый – питание и спорт.

То, что я должна сделать сегодня: фиолетовым (сфотографировать Эмбер в новом прикиде), зеленым (купить ручки), бирюзовым (попросить у миссис Уэйкфилд учебные материалы для работы по математике). Самое приятное на свете занятие – отмечать галочкой в моем списке то, что сделано. Иногда я специально записываю задания, которые давно закончила, чтобы вечером их отметить. Для этого я использую незаметный светло-серый цвет, чтобы не чувствовать себя совсем жуликом.

Если открыть ежедневник, можно увидеть, что мои будни состоят из зеленого, бирюзового и розового цветов. Но ровно неделю назад, в начале нового учебного года, я стала использовать особую ручку:

Золотой – Оксфорд.

Первая задача, выделенная новым цветом, звучала так:

Взять у мистера Саттона рекомендательное письмо.

Я провела пальцем по блестящим буквам. Остался всего лишь год. Последний год в колледже Макстон-холл. Мне совсем не верится, что впереди меня ждет что-то новое. Пройдет каких-то 365 дней, и я буду гордо сидеть на семинаре по политологии и слушать самых образованных в мире людей.

Во мне все кипит от волнения при мысли о том, что уже совсем скоро я пойму, исполнится ли моя самая заветная мечта. Справлюсь ли я, смогу ли учиться. В Оксфорде.

В моей семье еще никто не получал высшего образования, но я-то знаю: напрасно родители неохотно улыбнулись, когда я впервые объявила им, что хочу

изучать философию, политологию и экономику в Оксфорде. Мне тогда было семь.

Но и сейчас – десять лет спустя – мои намерения не изменились, а до цели уже и рукой подать. Мне по-прежнему кажется, что я сплю, ведь все зашло так далеко. Я то и дело ловлю себя на мысли, что до сих пор боюсь вдруг проснуться и осознать, что хожу в свою старую школу, а не в знаменитую Макстон-холл – самую престижную частную школу в Англии.

Я взглянула на часы, висящие в классе над массивной деревянной дверью. Еще три минуты. Задания, которые мы должны сегодня выполнить, я сделала вчера вечером, и теперь мне оставалось только ждать конца урока. Я нетерпеливо дрыгала правой ногой, за что моментально получила кулаком в бок.

– Ай. – Я зашипела и хотела ударить в ответ, но Лин была проворнее и увернулась. У нее невероятные рефлексы. Думаю, все благодаря тому, что она еще с начальной школы брала уроки фехтования. Там ведь так и надо колоть – быстро, как кобра.

– Прекрати дергаться, – сказала она в ответ, не отрывая взгляда от своего исписанного листа. – Ты дико нервируешь.

Это меня удивило. Лин никогда не нервничает. По крайней мере не настолько, чтобы в этом признаться или как-то это показать. Но сейчас я и впрямь заметила в ее глазах какую-то тревогу.

– Прости, я уже не могу. – Я продолжила гладить кончиками пальцев золотые буквы. За последние два года я сделала все, чтобы держаться вровень с одноклассниками. Чтобы стать лучшей. Чтобы все увидели, что я достойна учиться в Макстон-холле. А теперь, когда начался процесс подачи документов в университеты, я просто умираю от волнения. И то что с Лин, по-видимому, творится то же самое, немного радует.

– Ну что, плакаты наконец доехали? – спросила Лин. Она покосилась на меня, и черная прядь волос упала ей на лицо. Она нетерпеливо смахнула ее со лба.

Я отрицательно покачала головой:

– Еще нет. Сегодня после обеда обязательно привезут.

– О’кей. Развесим их завтра после биологии?

Я указала на соответствующую розовую строчку в моем ежедневнике, и Лин удовлетворенно кивнула. Я опять посмотрела на часы. Еле удержалась, чтобы снова не начать дрыгать ногой.

Вместо этого принялась потихоньку раскладывать разноцветные ручки. Они все должны лежать ровно в ряд, и это занятие занимает меня на какое-то время.

Но золотую ручку я не убрала, а засунула под узкую резинку ежедневника. Я повернула ее колпачок, чтобы он смотрел вперед. Только так я чувствовала, что все правильно.

Когда звонок наконец прозвенел, Лин быстро вскочила с места. Я с удивлением взглянула на нее.

– Не смотри так, – сказала она, вешая сумку на плечо. – Ты первая начала!

Я ничего не ответила, лишь ухмыльнулась и собрала свои вещи.

Мы с Лин первыми вышли из класса. Быстрым шагом пересекли западное крыло Макстон-холла и свернули налево в коридор.

В первые недели обучения я постоянно путалась в огромном здании и не раз опаздывала на уроки. Мне было ужасно стыдно, хоть учителя и уверяли меня, что такое в Макстон-холле случается со всеми новенькими. Школа напоминала замок: пять этажей, южное, западное и восточное крыло и три отдельных корпуса, в которых проходили уроки музыки и информатики. Бесконечные повороты и ответвления, в которых легко заблудиться. А тот факт, что не каждая лестница приведет тебя на соседний этаж, некоторых мог привести в отчаяние.

Но, поплутав несколько раз по школе, теперь я знала ее как свои пять пальцев.

Я уверена, что смогла бы найти дорогу к кабинету мистера Саттона с завязанными глазами.

– Мне тоже надо было попросить мистера Саттона написать рекомендательное письмо. – Проворчала Лин, пока мы шли вдоль коридора. Высокие стены справа от нас были украшены венецианскими масками – арт-проект выпускников прошлого года. Я уже как-то останавливалась, чтобы полюбоваться этими затейливыми вещами.

– Почему? – спросила я и мысленно наметила, что надо попросить убрать эти маски в надежное место, потому что в выходные мы развесим здесь афиши для вечеринки «Снова в школу».

– Мистер Саттон хорошо к нам относится с тех пор, как мы в прошлом году организовали выпускной вечер, и он знает, какие мы активные и как вкалываем. И к тому же он молодой, амбициозный, и сам не так давно закончил Оксфорд. Господи, по щекам бы себя отхлестала за то, что эта идея не пришла в голову раньше.

Я похлопала Лин по плечу.

– Миссис Марр тоже училась в Оксфорде. И вообще, мне кажется, что там выше ценится рекомендация от учителя, у которого побольше опыта, чем у мистера Саттона.

Она недоверчиво покосилась на меня.

– Ты уже жалеешь, что обратилась к нему?

Я пожала плечами. Мистер Саттон в конце прошлого учебного года случайно узнал, как сильно я мечтаю попасть в Оксфорд, и предложил спрашивать у него все, что меня интересует. И хоть его специализация отличалась от той, к которой я стремлюсь, он смог дать мне уйму полезной информации, которую я жадно впитывала и аккуратно заносила в свой ежедневник.

– Нет, – ответила я наконец. – Уверена, он знает, что надо писать в рекомендательном письме.

В конце коридора Лин нужно было сворачивать налево. Мы договорились созвониться позже и быстро попрощались. Я посмотрела на часы: 13.25, и прибавила хода. Прием у мистера Саттона назначен на половину второго, и мне совсем не хотелось опаздывать. Я понеслась вдоль высоких ренессансных окон, сквозь которые в коридор сочился золотой сентябрьский свет, и протиснулась через группу учеников, одетых, как и я, в темно-синюю школьную форму.

Никто не обращает на меня внимания. Так заведено в Макстон-холле. Хоть мы все и носим одинаковую форму – юбки в сине-зеленую клетку для девочек, бежевые брюки для мальчиков и темно-синие пиджаки для всех – невозможно не заметить, что я тут совершенно не к месту. Они все ходят в школу с дизайнерскими сумками, а мой рюкзак цвета хаки в некоторых местах прохудился настолько, что вот-вот порвется. Я делаю вид, что мне все равно, и стараюсь не замечать, что многие здесь ведут себя так, словно школа принадлежит им лишь потому, что они родились в обеспеченных семьях. Для них я невидимка, и я делаю все для того, чтобы так оно и было. Только не привлекай к себе внимания. До сих пор это работало.

Опустив глаза, я прошла мимо школьников и повернула направо. Третья дверь слева – кабинет мистера Саттона. Между двумя дверьми в коридоре стояла массивная деревянная скамья. Я перевела взгляд с нее на свои часы и обратно. Оставалось еще две минуты.

Будучи не в состоянии выдержать ни секунды больше, я решительно разгладила юбку, поправила жакет и проверила, на месте ли галстук. Затем подошла к двери и постучалась.

Ответа не последовало.

Вздохнув, я уселась на скамью и стала смотреть по сторонам. Возможно, он решил принести себе что-нибудь перекусить. Или пошел за чаем. Или за кофе. На это предположение меня натолкнула мысль, что утром мне не следовало переедать. Я и без того была слишком взволнована, но мама наготовила слишком много, не хотелось ее обидеть… Когда я снова посмотрела на часы, то увидела, как трясутся мои руки.

Половина второго. Минута в минуту.

Я снова оглядела коридор. Никого.

Может быть, я постучала недостаточно сильно. Или (от этой мысли у меня участился пульс) ошиблась. Вдруг наша встреча назначена не на сегодня, а на завтра. Я лихорадочно расстегнула молнию рюкзака и достала оттуда ежедневник: все верно.

С некоторым недоумением я закрыла рюкзак. Обычно я не такая рассеянная, но мысль, что при подаче заявления что-то пойдет не так и из-за этого я не поступлю в Оксфорд, сводила с ума.

Я заставила себя успокоиться, затем решительно встала, подошла к двери и снова постучала.

На этот раз я услышала шум. По звуку было похоже, будто что-то упало на пол. Я аккуратно открыла дверь и заглянула в комнату.

Сердце у меня остановилось.

Я правильно услышала.

Мистер Саттон был на месте.

Но… он был не один.

На письменном столе сидела девушка и страстно целовала мистера Саттона. Он стоял у нее между ног, прижимая к себе ее бедра. В следующей миг он схватил незнакомку крепче и притянул ближе, на край стола. Она тихо застонала, когда их губы снова слились, и зарылась руками в его темные волосы. Я не могла понять, где заканчивается один из них и начинается другой.

Я очень хотела отвести взгляд. Но не получилось. Не получилось, когда он залез руками ей под юбку. Не получилось, когда я услышала его тяжелое дыхание и когда она застонала «Боже, Грэхем».

Когда я наконец опомнилась от шока, то не могла вспомнить, как передвигать ногами. Я споткнулась о дверной порог, и дверь распахнулась и ударилась об

стену. Мистер Саттон и девушка отпрянули друг от друга. Он резко обернулся и увидел меня испуганную. Я открыла рот, чтобы быстро извиниться, но единственным, что смогла выдать, был сухой кашель.

– Руби, – ахнул мистер Саттон. Волосы у него были растрепаны, верхние пуговицы на рубашке расстегнуты, лицо красное. Он показался мне таким чужим, совсем не похожим на моего учителя.

Я почувствовала, как краснеют щеки.

– Я… простите. Я думала, мы договорились…

Тут девушка повернулась, и фраза застряла у меня в горле. Я раскрыла рот, и леденящий холод пронзил мое тело. Я уставилась на нее. В ее бирюзовых глазах читалось не меньшее удивление. Она резко отвернулась, потом посмотрела на свои дорогие туфли на шпильке, скользнула взглядом по полу и наконец беспомощно остановилась на мистере Саттоне – Грэхеме, как она только что называла его и стонала.

Я знала девушку. Особенно ее золотистый, идеально завитой хвост, постоянно болтающийся передо мной на уроках истории.

На уроках мистера Саттона.

Школьница, которую только что тискал мой учитель, была Лидия Бофорт.

Моя голова закружилась. Кроме того, я боялась, что в любой момент меня могло стошнить.

Я таращилась на них обоих и пыталась стереть из головы эти последние минуты – но это было невозможно. Я прекрасно все понимала, мистер Саттон и Лидия тоже все понимали, это стало видно по их шокированным лицам. Я сделала шаг назад, протянув руку, мистер Саттон тоже шагнул ко мне. Я снова споткнулась о порог и еле-еле удержалась на ногах.

– Руби, – начал он, но шум в ушах становился все громче.

Я развернулась и бросилась прочь. Я слышала, как мистер Саттон снова окликнул меня, на сей раз громче. Но я просто бежала. Дальше. Еще дальше.

2

Джеймс

Голова у меня раскалывалась, как от грохота отбойного молотка.

Это было первое, что я почувствовал, постепенно просыпаясь. Второе – голое теплое тело, рукой лежащее на мне.

Я глянул в сторону, но все, что смог увидеть – копну медово-русых волос. Не помню, чтобы я с кем-то уезжал с вечеринки Рэна. По правде сказать, я вообще не помню, чтобы уезжал с вечеринки. Я снова закрыл глаза и попытался воссоздать картину прошлого вечера, но все, что вспомнил, было какими-то бессвязными обрывками: я пьяный на столе. Громкий смех Рэна, когда я падаю и оказываюсь на полу. Предостерегающий взгляд Алистера, когда я танцевал с его старшей сестрой, прижимаясь к ней сзади всем телом.

Ох ты, черт.

Я аккуратно поднял руку и отвел волосы со лба девушки.

Черт.

Алистер меня убьет.

Я резко подскочил.

Голову пронзила острая боль, и в глазах на мгновение потемнело. Элейн пробормотала что-то невнятное и повернулась на другой бок. Тут я понял, откуда шел звук отбойного молотка – на тумбочке вибрировал мой телефон. Игнорируя его, я принялся искать на полу одежду. Один ботинок лежал возле

кровати, второй – прямо у двери под моими черными брюками с ремнем. Рубашка валялась на кожаном кресле. Натянув ее на себя и попытавшись застегнуть, я заметил, что не хватает нескольких пуговиц. Я взвыл. Оставалось надеяться, что Алистер уже ушел. Нельзя, чтобы он увидел разодранную рубашку и красные царапины, которые Элейн оставила на моей груди своими розовыми коготками.

Телефон снова начал вибрировать. Я посмотрел на экран – звонил отец. Прекрасно. Сейчас почти два часа дня, моя голова вот-вот треснет, и у меня определенно был секс с Элейн Эллингтон. Чего мне не хватало, так это голоса отца. Я сбросил.

А вот душ бы не помешал. И свежая одежда. Крадучись, я вышел из гостиной Рэна и максимально тихо закрыл за собой дверь. Спускаясь вниз я находил свидетельства прошлой ночи – бюстгальтер вместе с другой одеждой висел на перилах, в фойе повсюду разбросаны стаканчики, бокалы и тарелки с остатками еды. Воздух был пропитан дымом и парами алкоголя. Сразу понятно: несколько часов назад здесь закончилась вечеринка.

В большом зале я обнаружил Сирила и Кешава. Сирил зевал на дорогом белом диване родителей Рэна, а Кеш сидел на кресле у камина. У него на коленях удобно устроилась девушка, запустив руки в его длинные черные волосы, они страстно целовались. Оба выглядели так, словно вечеринка еще продолжается. Ненадолго оторвавшись от девушки и заметив меня, Кеш запрокинул голову и засмеялся. Я на ходу показал ему средний палец.

Роскошные стеклянные двери, ведущие в сад Фицжеральдов, были широко открыты. Я вышел на улицу и зажмурил глаза. Солнце светило особенно ярко и отзывалось острой болью у меня в висках. Я осторожно огляделся. Снаружи было не лучше, чем внутри.

На шезлонгах у бассейна я обнаружил Рэна и Алистера. Они закинули руки за головы, глаза были скрыты под солнечными очками. Немного помедлив, я побрел к ним.

– Бофорт, – обрадовался Рэн и поднял очки, усадив их на черные кудрявые волосы. Хотя он и улыбался, я заметил, какой бледной казалась его идеальная кожа. У него, должно быть, как и у меня, изрядное похмелье. – У тебя была славная ночка?

– Толком ничего не помню, – ответил я и отважился посмотреть в сторону Алистера.

– Пошел ты, Бофорт, – сказал тот. Его волосы сияли в золотом свете полуденного солнца. – Я говорил тебе, чтобы ты держался подальше от моей сестры.

К этой реакции я был готов и равнодушно поднял одну бровь:

– Я не заставлял ее лезть ко мне в постель. Не делай вид, что она сама не может решать, с кем ей заниматься сексом.

Алистер измученно скривил лицо и неразборчиво что-то проворчал.

Надеюсь, он успокоится и не затаит обиду навечно, в конце концов, я не могу все отмотать назад. И вообще, нет никакого желания оправдываться перед друзьями. Этого и дома хватает.

– Увы, ты разбил ей сердце, – немного погодя сказал Алистер и взглянул на меня сквозь зеркальные стекла «авиаторов». Хоть я и не мог видеть глаз, но знал, что взгляд его был не разъяренным, а скорее смиренным.

– Элейн знает Джеймса с пяти лет, – вставил Рэн. – Наверняка ей хорошо известно, чего можно от него ожидать.

Рэн был прав. Мы с Элейн оба понимали, к чему все приведет. И несмотря на то что я почти ничего не помню, в ушах у меня до сих пор стоит ее дрожащий голос: Только разочек, Джеймс. Один-единственный раз.

Алистер не хочет этого видеть, но его сестра примерно такое же «непорочное дитя печали», как и я.

– Если твои родители узнают, они тут же объявят о помолвке, – забавляясь добавил Рэн.

Я недовольно скривился. Родители давно мечтали о моей помолвке с Элейн Эллингтон – или с какой-нибудь другой девушкой из богатой семьи с наследством. Но в восемнадцать лет определенно есть дела поинтереснее, чем

тратить время на раздумья, кто или что мне подойдет после окончания школы.

Алистер презрительно фыркнул. Казалось, он тоже не хотел видеть меня принятым в свою семью. Я прикинулся оскорбленным и прижал руку к груди.

– А ты как будто не хочешь, чтобы я стал твоим свояком.

Он поднял очки и сверкнул глазами. Медленно, как хищник, Алистер поднялся с шезлонга. Несмотря на его худощавую фигуру, я знал, каким он может быть сильным и ловким – не раз испытал это на своей шкуре на тренировках.

По взгляду я понял, чего он хочет.

– Предупреждаю тебя, Алистер, – прорычал я, отступая на шаг назад.

Я и глазом моргнуть не успел, как он уже стоял прямо передо мной.

– Я тоже предупреждал, – ответил он. – Но тебя это не особо интересовало.

И тут он сильно ударил меня в грудь. Я пошатнулся и упал прямо в бассейн. От удара об воду вышибло воздух из легких, и я потерял ориентацию в пространстве. Вода залилась мне в уши, а пульсирующая головная боль под водой только усилилась.

И все же я не стал сразу всплывать. Я расслабился и замер в одном положении – лицом вниз. Уставившись на расплывчатый узор плитки на дне бассейна, я мысленно считал секунды. Потом закрыл глаза. Наступила почти умиротворяющая тишина. Через полминуты воздух был на исходе, а давление на грудь нарастало. Я испустил последний драматический пузырек воздуха, выждал еще немного, и тут…

Алистер прыгнул в бассейн и схватил меня. Рывком потянул на поверхность. Когда я открыл глаза и увидел его испуганный взгляд, внутри все разрывало от смеха и я одновременно хватал ртом воздух.

– Бофорт! – растерянно крикнул он и, накинувшись, ударил меня в бок – черт возьми, удар у него получился сильный. Он попытался сделать захват шеи

сверху. Но поскольку ростом парень был меньше, это не сработало так, как он хотел. Мы продолжали бороться, удача явно была на моей стороне. Я с легкостью поднял его вверх и отбросил как можно дальше от себя. С громким плеском он пошел ко дну, донесся смех Рэна. Когда Алистер вынырнул, то посмотрел на меня с такой злостью, что я снова засмеялся. У Алистера, как и у всех Эллингтонов, было ангельское личико. Даже когда он хотел выглядеть грозно, этого просто не получалось – из-за прелестных светло-карих глаз в сочетании с белокурыми локонами и до тошноты идеальными чертами лица.

– Ну ты и поганец, – сказал он и обдал меня водой.

Я вытер рукой лицо.

– Прости, черт возьми.

– Ладно, фиг с тобой, – ответил он, продолжая брызгаться.

Я развел руки в стороны и подставился под брызги. В какой-то момент Алистер остановился, а когда я посмотрел на него, он лишь со смехом покачал головой.

Значит, мы все уладили.

– Джеймс? – послышался знакомый голос.

Я обернулся. На бортике бассейна, заслоняя собой солнце, стояла моя близняшка-сестра. Вчера на вечеринке ее не было, поэтому я сначала подумал, что она хочет задать мне трепку из-за того, что мы с ребятами сегодня прогуляли уроки. Но затем я присмотрелся, и холодок пробежал по спине: вялые плечи, руки обессиленно висели вдоль тела. Она смотрела себе под ноги.

Я как можно быстрее подплыл к ней и выбрался из бассейна. Мне было все равно, что я весь мокрый, я встряхнул ее и заставил поднять на меня глаза. Тут внутри все перевернулось. Лицо у Лидии оказалось красное и опухшее. Она определенно плакала.

– Что случилось? – спросил я и сильнее сжал руки. Она попыталась отвернуться, но я не дал ей этого сделать. Держал ее за подбородок, чтобы она не могла

отвести взгляд.

В глазах у нее блестели слезы. У меня пересохло в горле.

– Джеймс, – прошептала она охрипшим голосом. – Что я натворила.

3

Руби

– Здесь идеальное место, – сказала Эмбер и встала между кустом колючего дрока и яблоней.

В нашем маленьком саду повсюду валялись яблоки, которые еще предстояло собрать. Но хотя родители уже несколько дней подгоняли нас, выделенный фиолетовым пункт Собрать яблоки в моем ежедневнике был намечен лишь на четверг.

Я знала, что как только мы с Эмбер принесем домой корзины с яблоками, между мамой и папой возникнет спор, кому из них сколько достанется. Каждый год мама планирует напечь пирогов и кармашков с яблоками, чтобы их могли продегустировать у нее в пекарне. А папа, похоже, хочет заготовить сотни сортов варенья с самыми необычными вкусовыми добавками. Но, в отличие от мамы, в мексиканском ресторане, где он работает, ему некому скармливать это варенье. Это значит, что нам с Эмбер опять придется отдуваться в качестве подопытных кроликов, и было бы круто, придумай он какой-нибудь новый рецепт тортильи, но уж никак не обычное яблочное варенье с кардамоном и чили.

– Ну как?

Эмбер стояла передо мной в отработанной позе. Я всякий раз удивляюсь, как ей это удается. Она держалась раскованно, еще и помотала головой, чтобы локоны длинных русых волос выглядели более естественно. Когда она улыбается, ее зеленые глаза буквально сияют, и я в недоумении, как у нее получается так

хорошо выглядеть сразу после сна. А я еще и волосы не расчесала, и моя прямая челка наверняка торчит вверх, к небу. А глаза, пусть и такого же цвета как у Эмбер, вообще не блестят. Куда там, они такие усталые и сухие, что приходится постоянно моргать, чтобы избавиться от неприятного жжения.

Сейчас начало восьмого, а я полночи не спала и думала о том, что видела вчера днем. Когда час назад Эмбер вошла в мою комнату, мне показалось, что я только-только уснула.

– Ты классно выглядишь, – ответила я и подняла старенький фотоаппарат. Эмбер дала сигнал, и я сделала три снимка, затем она сменила позу, повернулась боком и бросила на меня – вернее, на камеру – взгляд через плечо. На платье, которое она сегодня надела, был черный закругленный воротничок и яркий голубой принт. Она стащила этот наряд у мамы и немного подогнала по фигуре, чтобы выделить талию.

Сколько я себя помню, Эмбер всегда была пышкой и много времени тратила, чтобы найти приталенное платье. В магазинах, к сожалению, такой фасон встретишь не часто, и ей приходилось импровизировать. На свой тринадцатый день рождения она попросила у родителей швейную машинку и с тех пор сама шьет себе.

Сейчас Эмбер точно знает, что ей к лицу. Например, к сегодняшнему платью она подобрала джинсовку и белые кроссовки с серебряными задниками, которые вручную расписала.

Пару дней назад в одном модном журнале я наткнулась на куртку, сделанную из материала, похожего на мусорный мешок. Я поморщилась и быстро перелистнула страницу, но в эту минуту, вспомнив об этом, я не сомневалась, что Эмбер носила бы подобную куртку как супермодель.

Конечно, это связано с уверенностью – то, что она излучает перед камерой, да и в реальной жизни.

Так было не всегда. Я помню времена, когда она, глубоко несчастная, забивалась в свою комнату, потому что в школе ее дразнили. Тогда Эмбер казалась маленькой и ранимой, но со временем она научилась принимать реальность и игнорировать чужое мнение.

Теперь она не смущаясь называет себя толстой.

– Это как в «Гарри Поттере», – говорит она всякий раз, когда кто-то удивляется такому обозначению. – Имя «Волан-де-Морт» пугающее лишь потому, что никто не смеет его произнести. Так же и со словом «толстый» – это всего лишь описание, как «стройный» или «худой». Это просто слово, в нем нет никакого негатива.

Эмбер долго к этому шла и даже начала вести блог. Она хотела помочь другим девочкам, кто был в похожей ситуации. Она уже больше года сообщала миру о том, что чувствует себя красивой, а вокруг ее статей на тему плюс-сайз моды образовалось сообщество. Мою сестру считают источником вдохновения.

Мы с родителями тоже многому у нее научились – отчасти благодаря тому, что Эмбер снова и снова снабжала нас статьями на тему – чем она безумно гордится.

– Я думаю, достаточно, – сказала я после того, как сделала очередной снимок. Эмбер тут же подошла ко мне и жадно выхватила фотоаппарат. Разглядывая снимки, она наморщила нос, пока не дошла до фото, на котором смотрела через плечо, и тогда наконец улыбнулась.

– Это подойдет. – Она поцеловала меня в щеку. – Спасибо.

Мы вместе вернулись к дому через сад, аккуратно перешагивая через упавшие яблоки.

– Когда выложишь пост? – спросила я.

– Думаю, завтра во второй половине дня. – Она искоса взглянула на меня: – У тебя ведь будет сегодня вечером время его проверить?

Вообще-то нет. После уроков я должна развесить плакаты для мероприятия, которое состоится в выходные, а потом писать реферат по истории. Кроме того, нужно продумать план, как получить рекомендательное письмо, не заговаривая при этом с мистером Саттоном. Мне становится тошно при одной мысли о вчерашнем – о Лидии Бофорт на его письменном столе и о нем, пристроившимся у нее между ног. А эти звуки, которые они оба издавали…

Я помотала головой, чтобы перестать об этом думать, и Эмбер с удивлением взглянула на меня.

– С удовольствием проверю, – ответила я и ускользнула в гостиную. Не могу смотреть на Эмбер. Если она заметит мешки под моими глазами, то сразу заподозрит что-то неладное, а мне сейчас меньше всего нужны расспросы.

А пока я не могу избавиться от стонов мистера Саттона, воспоминания о которых не выходят из головы.

– Доброе утро, сокровище мое.

Я вздрогнула от маминого голоса и постаралась немедленно взять под контроль выражение своего лица, чтобы выглядеть нормально. Ну, как обычно выглядят люди, не застукавшие учителя в объятиях с ученицей.

Мама подошла ко мне и поцеловала в щеку.

– Все в порядке? У тебя усталый вид.

Кажется, надо еще поработать над нормальным выражением лица.

– Да, мне нужен кофеин, – пробормотала я и улизнула от нее к столу.

Она налила кофе, поставила передо мной кружку и погладила меня по голове. Эмбер тем временем подошла к отцу и показала ему снимки. Он тут же отложил газету и склонился над дисплеем. От улыбки у него появились морщинки в уголках рта.

– Очень красиво.

– Узнаешь это платье, дорогой? – спросила мама, склонившись над ним сзади и положив руки ему на плечи.

Папа поднял камеру повыше и вгляделся в снимок.

– Это… уж не то ли платье, которые ты надевала на нашу десятую годовщину? – Он посмотрел на маму через плечо, и она кивнула.

У мамы и Эмбер похожее телосложение, поэтому Эмбер было с чем начинать свою карьеру швеи, экспериментируя с нарядами. Поначалу мама расстраивалась, когда у Эмбер что-то не получалось и платье портили, но теперь такого уже не случается, и она радуется счастливому преображению старой одежды.

– Я его приталила и пришила воротничок, – сказала Эмбер, садясь за стол и насыпая в тарелку хлопья.

Папа расплылся в улыбке:

– И правда, получилось очень красиво.

Он взял мамину руку и потянул к себе. Когда их лица сблизились, он нежно поцеловал ее.

Мы с Эмбер переглянулись с одной и той же мыслью: бу-э. Наши родители настолько влюблены друг в друга, что иногда на них противно смотреть. Но мы почти привыкли. А когда я думаю о том, что произошло в семье Лин, то даже начинаю ценить, что у нас полная семья. И уже не сильно обидно, что нам всем приходится работать ради тех крепких уз, что нас связывают.

– Дай знать, когда опубликуешь свой пост, – сказала мама, заняв место рядом с папой. – Мне не терпится его прочитать.

– О’кей, – ответила Эмбер с полным хлопьями ртом.

Нам с ней надо торопиться, чтобы успеть на школьный автобус, и я не осуждаю, что она так давится завтраком.

– Ты же не забудешь его проверить? – повернулся ко мне папа.

Эмбер уже больше года ведет свой блог, а папа до сих пор с недоверием относится к ее увлечению. Интернет пугает его прежде всего потому, что дочь

делится там своими снимками и мыслями. Эмбер стоило больших усилий убедить папу, что блог о плюс-сайз моде – хорошая идея. Эмбер с энтузиазмом приступила к его созданию и выбрала ник «Bell-bird», наполовину состоящий из нашей фамилии. Тогда у папы просто не осталось другого выхода, и он смирился, что дочь теперь блогер. Единственным условием было, чтобы я как благоразумная старшая сестра проверяла ее статьи и фотографии перед тем, как она их опубликует, чтобы ни одна деталь нашей личной жизни не попала в Сеть. Но его беспокойство оказалось совершенно беспочвенным. Эмбер работала тщательно и профессионально, и я восхищалась тем, чего она смогла достичь с «Bell-bird» за такой короткий срок.

– Не сомневайся. – Я затолкала в рот полную ложку хлопьев и запила большим глотком кофе. Теперь уже Эмбер посмотрела на меня с отвращением, но это сошло ей с рук. – Я сегодня приду чуть позже, не волнуйтесь.

– Что, в школе много дел? – посочувствовала мама.

Эх, знала бы ты…

Лучше бы я рассказала родителям и Эмбер о том, что произошло. Мне бы точно стало легче. Но я не могла. Мой дом и Макстон-холл – два разных, не связанных друг с другом мира, и я поклялась себе никогда их не смешивать. Именно поэтому никто в школе не знает ничего о моей семье, так же как и в моей семье никто не знает, что происходит в Макстон-холле. Эту границу я провела в первый же день, и это было правильным решением. Я знаю, что Эмбер часто злит моя скрытность, и мне совестно видеть разочарование родителей всякий раз, когда на вопрос, как прошел день, я отвечаю лишь: «Нормально». Но для меня дом – островок покоя. Здесь ценятся надежность, верность и любовь. В Макстон-холле ценностью считается только одно – деньги. И я боюсь разрушить нашу спокойную жизнь, притащив в нее Макстон-холл.

Не говоря уже о том, что меня совершенно не касается, чем там занимаются мистер Саттон и Лидия Бофорт, я бы их все равно не сдала. Моя личная жизнь остается для всех в Макстон-холле загадкой лишь потому, что я железно придерживаюсь правила, которое сама для себя установила: Не привлекать внимания! За два года я приложила много усилий, чтобы оставаться невидимой для большинства одноклассников и не попадать в их поле зрения.

Если я расскажу кому-нибудь про случай с мистером Саттоном или пойду с этим к директору школы – разразится скандал. Я не могу так рисковать, уж точно не сейчас, когда так близка к своей главной цели.

Лидия Бофорт и вся ее семья, особенно противный братец – тот тип людей, от которых я предпочитаю держаться как можно дальше. Бофорты владеют старейшим производством мужской одежды в Англии. Их щупальца простираются не только на всю страну, но и на Макстон-холл. Даже наша школьная форма разработана и шьется у них на фабрике.

Нет уж. С Бофортами я не буду связываться ни при каких обстоятельствах.

Я просто сделаю вид, что ничего не произошло.

Когда я наконец улыбнулась маме и пробормотала: «Все не так уж плохо», то поняла, насколько вымученно это выглядело. Я была благодарна ей за то, что она не стала донимать меня вопросами и молча подлила кофе.

Школа – это ужас. Я пыталась сосредоточиться на теме уроков, но мысли постоянно сбивались. На переменах я панически боялась встретить в коридоре мистера Саттона или Лидию, поэтому быстро перебегала из одного кабинета в другой. Лин не раз бросала в мою сторону косые взгляды, после чего я старалась взять себя в руки. Еще не хватало, чтобы она принялась донимать меня вопросами, на которые я не смогу ответить. Тем более, я была уверена, что ее насторожила моя отговорка, будто я вчера перепутала назначенное время и пока не получила рекомендательное письмо.

После уроков мы пошли с ней в секретариат и забрали афиши, которые вчера наконец пришли по почте. Я бы лучше сходила в столовую – на биологии у меня урчало в животе так, что даже учитель обернулся, – но Лин решила, что по дороге туда мы сможем развесить парочку плакатов и тем самым сэкономим время.

Мы начали с актового зала, приклеив первый плакат к массивной колонне. Убедившись, что афиша хорошо держится на скотче, я отошла на несколько шагов и, скрестив руки, спросила Лин:

– Ну как?

– Превосходно. Каждому входящему сразу бросается в глаза. – Она повернулась ко мне с улыбкой: – Неплохо получилось, Руби.

Я и сама залюбовалась черной надписью, которая сообщала о вечеринке «Снова в школу». Дуглас и впрямь постарался с дизайном: шрифт в сочетании с неброскими золотыми пятнами на серебряном фоне выглядел эффектно, стильно и достаточно современно для школьной вечеринки.

Макстон-холл известен своими легендарными вечеринками. В этой школе празднуют все: начало и конец учебного года, день основания, Хэллоуин, Рождество, Новый год, день рождения ректора Лексингтона… Бюджет у команды по организации мероприятий немалый. Как нам любит напоминать Лексингтон, имидж, который мы создаем благодаря успешным мероприятиям, бесценен. Вечеринки в Макстон-холле только в теории устраиваются для школьников. В первую очередь стоит задача привлечь родителей, спонсоров, политиков и других людей с деньгами, финансирующих нашу школу, и с их поддержкой обеспечить детям лучший старт в жизни, открыть им двери в Кембридж или Оксфорд.

Когда я пришла в школу, срочно нужно было выбрать какое-нибудь внеклассное занятие, и оргкомитет показался отличным выбором: мне нравится планировать и организовывать, к тому же тут я могла действовать незаметно, чтобы одноклассники не обращали на меня внимания. Я не ожидала, что мне настолько понравится и что спустя два года я буду делить с Лин руководство командой.

Лин задумалась, на лице ее сияла широкая улыбка:

– Разве не прекрасно, что в этом году мы больше не на побегушках?

– Думаю, еще один день под гнетом Элейн Эллингтон, и я бы ее поколотила, – ответила я, и Лин тихонько хихикнула.

– Ничего смешного. Я серьезно.

– Хотела бы я на это посмотреть.

– А я бы с удовольствием это сделала.

Как руководитель команды Элейн была просто невыносима – властная, несправедливая и ленивая, – но на самом деле я бы, конечно, никогда ее не обидела. Ведь я бы тем самым нарушила свое правило «делать все возможное, чтобы не привлекать к себе внимания», не говоря уже о том, что я против насилия.

Но сейчас это не важно. Элейн закончила школу. А поскольку ее диктаторские замашки досаждали всем в команде, на свободное место выбрали нас с Лин – я до сих пор не могу в это поверить.

– Ну, развесим еще два плаката и пойдем есть? – предложила я, и Лин кивнула.

Когда мы наконец дошли до столовой, к нашему счастью час пик миновал. Большинство учеников либо ушли на дополнительные занятия, либо нежились в последних лучах солнца в школьном дворе. Свободных столов было много, и нам с Лин удалось захватить самое лучшее место у огромного окна.

Пока я несла поднос к нашему столу, не могла оторвать взгляд от лазаньи. Только когда села, положив оставшиеся плакаты на стул, а рюкзак – на пол, я осмелилась посмотреть по сторонам. Лидии Бофорт нигде не было.

Лин, сидя напротив меня, потягивала апельсиновый сок, затем открыла свой ежедневник и принялась его изучать. Я увидела на страницах китайские иероглифы, треугольники, кружочки и другие знаки. Эта система пометок меня поразила. Она намного круче моей, разноцветной. Я вспомнила, что однажды просила Лин объяснить значение каждого символа, но уже через полчаса запуталась в них.

– Мы забыли положить исходник плаката в ящик ректору Лексингтону, – пробормотала она, убирая за ухо прядь черных волос. – Надо сделать это прямо сейчас.

– Без проблем, – сказала я с набитым ртом. Думаю, томатный соус попал на мой подбородок, но мне было все равно. Я ужасно проголодалась, возможно, потому, что со вчерашнего дня не ела ничего, кроме хлопьев.

– Сегодня еще нужно помочь маме на выставке. – Лин указала на один из китайских иероглифов. Ее мама не так давно открыла картинную галерею, и хотя все шло хорошо, Лин часто приходилось быть на подхвате, даже посреди учебной недели.

– Если тебе надо уйти пораньше, я сама развешу оставшиеся плакаты, – предложила я, но она покачала головой:

– Мы договорились делить работу поровну. Либо сделаем это вместе, либо никак.

Я улыбнулась:

– Хорошо.

Я еще в начале учебного года сказала Лин, что мне не составит труда иногда брать на себя часть ее работы. Я люблю помогать другим. Особенно друзьям, ведь у меня их не так много. И я знала, что ситуация в ее семье непростая и ей часто приходится туго. Особенно если учесть, что помимо домашних забот ей еще нужно справляться с нелегкой учебной программой. Но Лин не уступает мне ни в амбициозности, ни в упрямстве – вероятно, именно поэтому мы так хорошо понимаем друг друга.

То, что мы подружились, – практически чудо. Когда я пришла в Макстон-холл, у нее был совсем другой круг общения. В то время за завтраком она сидела за одним столом с Элейн Эллингтон и ее подругами, а у меня и в мыслях не было заговорить с ней, хотя мы обе работали в команде по организации мероприятий, и я несколько раз замечала, что она так же дотошно, как и я, ведет ежедневник.

Но потом ее отец оскандалился, и семья не только лишилась всего состояния, но и прежнего круга общения. Лин вдруг стала ходить на всех переменах одна – то ли ее друзья больше не хотели с ней общаться, то ли она сама слишком стыдилась произошедшего, я не знаю. Но понимаю, каково это – разом потерять всех друзей. Я прошла через это, когда сменила прежнюю школу в Гормси на Макстон-холл. На меня навалилось сразу все: высокие требования, внеклассная работа, тот факт, что я отличаюсь от всех здешних, а поддерживать контакт со своими одноклассниками в Гормси не было времени. Мои тамошние друзья тогда ясно дали понять, что они об этом думают.

Со временем я осознала, что настоящие друзья не будут над тобой смеяться только из-за того, что тебе нравится делать что-то для школы. Когда меня называли «зубрилой» или «всезнайкой», я всегда отделывалась смехом, хотя никогда не находила это смешным. И я знаю, что ни о какой дружбе и речи быть не может, если ты не находишь сочувствия, оказавшись в трудной ситуации. Они ни разу не поинтересовались, как мои дела, и не спросили, нужна ли мне помощь.

Тогда больно было видеть, как разрушается эта дружба, тем более что в Макстон-холле со мной никто не хотел общаться – ну или просто никто меня не замечал. Я из небогатой семьи. Вместо дизайнерской сумки – практичный рюкзак, которому шесть лет, вместо эффектного макбука – обыкновенный и подержанный ноутбук, который родители купили перед началом учебы. В выходные я не приеду на модную вечеринку, которую потом будут обсуждать целую неделю. Для большинства одноклассников я попросту не существую. Сейчас-то меня это вполне устраивает, но первые недели в Макстон-холле я чувствовала себя ужасно одинокой. Пока не познакомилась с Лин. Нас связывал не только похожий опыт с дружескими отношениями. Лин разделяла два моих главных хобби: планирование и мангу.

Не могу сказать, познакомились бы мы или нет, не случись с ее родителями той ситуации. И хоть мне иногда кажется, что Лин скучает по тем временам, когда ее имя здесь что-то значило и она водилась с такими людьми, как Эллингтоны, я все равно благодарна ей за дружбу.

– Тогда иди к ректору и по дороге повесишь плакаты у библиотеки и возле учебного центра. Остальное на мне, о’кей? – предложила я.

Я подставила ей ладонь жестом «дай пять». На мгновение показалось, что Лин хочет что-то возразить, но затем она благодарно улыбнулась и отбила «пять».

– Ты лучшая.

Кто-то придвинул ко мне стул и сел на него. Лин вмиг побледнела. Я подняла брови, увидев, как она таращится то на меня, то на человека, который уселся рядом со мной.

Медленно повернувшись, я увидела холодные глаза бирюзового цвета.

В школе каждый знал эти глаза, но я никогда не видела их так близко. Они были лишь частью выразительного лица с темными бровями, острыми скулами и надменным изгибом красивых губ.

Ко мне подсел Джеймс Бофорт.

И теперь смотрел на меня.

Вблизи он казался еще более опасным, чем издали. Он один из тех в Макстон-холле, кто ведет себя так, словно школа ему принадлежит. Он держался прямо и уверенно. Обычная школьная форма сидела на нем идеально, как будто была сшита специально для него. Возможно, все потому, что дизайном занималась его мама. Только красивые русые волосы были растрепаны, а не уложены волосок к волоску, как у сестры.

– Привет, – сказал он.

Слышала ли я когда-нибудь его речь? Только крики на площадке для игры в лакросс или на вечеринках Макстон-холла, когда он был пьян. Речь Джеймса всегда оставалась идеальной. Он произнес «привет» так спокойно и глаза его блестели так же привычно, как будто для него это обычное дело – подсесть ко мне и заговорить. А ведь до этого мы никогда не разговаривали друг с другом. И так должно было оставаться и впредь.

Я осторожно огляделась и тяжело сглотнула слюну. Не все, но несколько голов точно повернулись и смотрели в нашу сторону. Было ощущение, что плащ-невидимка, который я носила последние два года, немного сполз.

Это очень плохо, это очень плохо, это очень плохо.

– Эй, Лин, ты не будешь против, если я ненадолго украду твою подругу? – сказал он, не сводя с меня глаз. Его взгляд был таким внимательным, что по спине побежали мурашки. Тут я повернулась к Лин и попыталась без слов дать ей понять, что я буду против, но она смотрела на Джеймса.

– Конечно, – охрипшим голосом ответила она. – Идите.

Я еле успела поднять с пола рюкзак, как Джеймс Бофорт уже приобнял меня и стал подталкивать к выходу из столовой. Я ускорила шаг, чтобы отвязаться от него, но его прикосновение будто осталось на мне и прожигало ткань пиджака до кожи. Он завел меня за большую лестницу в фойе, где нас никто не мог увидеть.

Я примерно представляла, чего он хочет. Дело, должно быть, заключалось в его сестре и мистере Саттоне. Других причин говорить у нас не было.

Только убедившись, что нас никто не слышит, я повернулась к нему:

– Мне кажется, я знаю, чего ты хочешь.

Его губы слегка скривились в улыбке:

– И ты это сделаешь?

– Послушай, Бофорт…

– Боюсь, Робин, в этом месте мне придется тебя перебить. – Он сделал шаг. Я не отступила, а лишь посмотрела на него, подняв бровь. – Ты должна как можно скорее забыть то, что видела вчера, поняла? Если хоть где-то заикнешься об этом, я позабочусь, чтобы ты вылетела из школы.

Он сунул что-то мне в руку. Я как контуженная опустила взгляд и застыла, увидев, что там.

В моей руке лежала пачка пятидесятифунтовых банкнот. У меня пересохло в горле.

Я никогда не держала в руках так много денег.

Заносчивая ухмылка Джеймса о многом говорила. Он ясно дал понять, что знает, как я нуждаюсь в деньгах. И что ему не впервой платить за чье-то молчание.

Его выражение лица и поза были такими самонадеянными, что меня вдруг охватила ярость.

– Ты серьезно? – спросила я сквозь зубы. От злости тряслись руки.

Джеймс был озадачен. Он полез во внутренний карман пиджака, достал оттуда еще одну пачку и протянул мне.

– Больше десяти тысяч это не стоит.

Я уставилась сначала на деньги, потом на него.

– Если ты до конца семестра будешь держать язык за зубами, мы удвоим сумму. Продержишься до конца года – увеличим ее в четыре раза.

Позже его слова повторялись в моей голове снова и снова, и кровь закипала в жилах. Как он стоял передо мной, бросив к моим ногам десять тысяч фунтов, и хотел таким образом заткнуть рот. Как будто это был пустяк. Как будто так и должны поступать те, кто родился с серебряной ложкой во рту. Мне сразу стало понятно, как я ненавижу Джеймса Бофорта.

Он мне отвратителен. Он и всё, что с ним связано.

То, как он живет – ни с чем не считаясь и не боясь последствий. Если ты носишь фамилию Бофорт, тебе обеспечена неприкосновенность. Делай что хочешь – папины деньги помогут все уладить. Пока я два года из кожи вон лезла, чтобы получить хоть малейший шанс попасть в Оксфорд, для него эта частная школа казалась не более чем прогулкой.

Это нечестно. И чем дольше я сверлила его взглядом, тем сильнее во мне росло чувство злости.

Пальцы судорожно сжимали банкноты. Я еще сильнее стиснула зубы и разорвала тонкую бумажную ленту, которой была обернута пачка.

Джеймс в недоумении наморщил лоб:

– Что…

Я резко взмахнула рукой и выбросила купюры.

Джеймс никак не отреагировал, но его челюсть была сильно напряжена. Деньги медленно падали на пол, я развернулась и ушла.

4

Руби

Перед моим лицом покачивался русый хвост Лидии. Весь свой гнев я направила на него.

Она во всем виновата! Если бы Лидия не тискалась с нашим учителем, я бы их не застукала и она не наябедничала бы своему брату. Тогда бы я могла сосредоточиться на уроке, а не злиться на то, что он назвал меня Робин. И на то, что я выкинула пять тысяч фунтов.

Уму непостижимо, как я могла это сделать. Не взять деньги, конечно, правильное решение. И тем не менее, со вчерашнего дня мне в голову лезут мысли, на что бы я могла их потратить. Например, на наш дом. С тех пор, как с папой восемь лет назад произошел несчастный случай, мы хотя и перестроили дом, постепенно адаптировав его под инвалидное кресло, но кое-что еще нуждалось в улучшении. Кроме того, наш автомобиль медленно, но верно испускает дух, а мы все зависим от транспорта. Особенно папа. На те сорок тысяч фунтов, которые Джеймс предлагал в конце учебного года, я могла бы купить микроавтобус.

Я помотала головой. Нет, я никогда не взяла бы у Бофорта деньги за молчание. Я не продаюсь.

Из-под учебника по истории я вытащила свой ежедневник. Все пункты, намеченные на сегодня, уже отмечены галочками. Только одна запись все так же язвительно поблескивает на бумаге: Забрать рекомендательное письмо у мистера Саттона. Стиснув зубы, я смотрю на эти подмигивающие буквы. С каким удовольствием я бы замазала их корректором, как и воспоминание о мистере

Саттоне и Лидии.

Впервые с начала урока я отважилась отвести взгляд от хвоста Лидии. Мистер Саттон стоял у белой доски. На нем была клетчатая рубашка, поверх нее серый кардиган; очки, которые он всегда носил во время уроков. Трехдневная щетина выглядела ухоженной, а на щеках были заметны ямочки, по которым ученицы на нашем курсе сходили с ума.

Он пошутил, и все вокруг рассмеялись.

Одна из причин, по которой он мне всегда нравился.

Теперь я не могу его видеть.

Нет, у меня в голове не укладывается: у мистера Саттона хватило ума поступить в Оксфорд, проучиться там несколько лет, вскоре после выпуска получить место в одной из самых престижных частных школ Англии, и первое, что он сделал, – спутался со своей ученицей. Как так можно, черт возьми?

Наши взгляды встретились, и улыбка тут же исчезла с его лица. Лидия застыла. Ее плечи и затылок закаменели, как будто она изо всех сил сдерживалась, чтобы не повернуться.

Я быстро уткнулась в свой ежедневник, и волосы темной тучей упали мне на лицо.

В этом положении я и просидела до конца урока.

После звонка было такое ощущение, словно прошел целый день, а не девяносто минут. Я тянула время. Собирала вещи как в замедленной съемке и аккуратно складывала их в рюкзак. Застегнула молнию – так медленно, что слышала потрескивание каждого ее зубчика по отдельности.

Когда шаги и голоса одноклассников затихли, я встала. Мистер Саттон рассеянно убирал бумаги в папку. Вид у него был напряженный. На лице не осталось и следа от недавних шуток.

Кроме нас с ним в классе находилась Лидия Бофорт. Она застыла в дверях и напряженно смотрела то на меня, то на мистера Саттона.

Когда я надела рюкзак и направилась к выходу, сердце выпрыгивало из груди. Немного не дойдя до преподавательского пульта, я остановилась и покашляла. Мистер Саттон отвлекся. Его золотисто-карие глаза были полны сожаления. Я буквально почувствовала раскаяние. Движения Саттона стали как у робота.

– Лидия, ты не могла бы оставить нас одних? – попросил он, не глядя на нее.

– Но…

– Пожалуйста, – добавил он, мягко взглянув на нее.

Поджав губы, она кивнула и вышла, тихо закрыв за собой дверь.

Мистер Саттон снова повернулся ко мне. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но я его опередила.

– Я хотела забрать рекомендательное письмо для Оксфорда, – быстро выдала я.

Саттон озадаченно заморгал, и прошло какое-то время, прежде чем он отреагировал.

– Я… конечно. – Он торопливо принялся перелистывать бумаги в папке, куда только что убрал материалы для урока. Ничего не найдя, он нагнулся и поднял с пола на кафедру кожаную сумку. Открыл ее и начал копаться там. Руки дрожали, щеки начали краснеть. – Вот копия, – пробормотал он, найдя наконец прозрачный файлик с листом бумаги. – Я хотел обсудить с тобой… – Он откашлялся. – Я его уже отправил, потому что не знал, придешь ли ты за ним.

Застывшими пальцами я взяла письмо и сглотнула слюну.

– Спасибо.

Он снова заговорил. Ситуация становилась все неприятнее.

– Я бы хотел, чтобы ты знала, что я…

– Нет. – Мой голос звучал очень хрипло. – Пожалуйста… не надо.

– Руби… – Вдруг я заметила в глазах мистера Саттона кроме сожаления еще одну эмоцию: страх. Он боялся меня. Точнее, боялся того, что я могу учинить, зная про него и Лидию. – Я только хотел…

– Нет, – снова выдала я, на сей раз намного тверже, и с возражением подняла руку. – Я не собираюсь никому об этом рассказывать. Правда. Я… я просто хочу забыть об этом.

Он открыл рот и тут же снова закрыл его. Во взгляде читалось удивление напополам с сомнением.

– Это не мое дело, – продолжала я. – И вообще ничье.

Между нами возникла пауза, во время которой мистер Саттон смотрел на меня так пристально, что я даже не знала, куда девать свой взгляд. Было похоже, что он искал в моих глазах ответ, серьезно ли я все это говорю. Наконец он тихо сказал:

– Ты понимаешь, что я в таком случае и дальше буду твоим учителем?

Конечно, я это понимала. И перспектива проводить несколько часов в неделю в одном помещении с Лидией и мистером Саттоном была совершенно непривлекательной. Я могла пойти к директору, но в разговоре с Джеймсом Бофортом он ясно дал мне понять, что будет в таком случае.

К тому же я действительно считала, что личная жизнь мистера Саттона меня не касается.

– Я просто хочу об этом забыть, – повторила я.

Он протяжно выдохнул.

– И ты… не ставишь никаких условий? – Заметив на моем лице возмущение, он быстро добавил: – Я не имею в виду, что ты не сможешь с легкостью сдать мой предмет. Ты знаешь, что ты одна из лучших учениц в классе. Но я думал, что… Я… – Он замолчал, огорченно вздохнув, щеки у него были красные, а в глазах читалось отчаяние. Он вдруг показался мне таким юным, и я впервые задумалась, сколько же ему лет. Я бы дала не больше двадцати пяти.

Я попыталась улыбнуться, но получилось плохо.

– Мистер Саттон, я просто хочу спокойно закончить школу, – сказала я и сунула копию письма себе в рюкзак.

Он ничего не ответил, и я пошла к двери. Там еще раз обернулась.

– Пожалуйста, относитесь ко мне как и прежде.

Он уставился на меня, словно я была каким-то видением, причем нехорошим. Он смотрел с недоверием, и в этом я не могла его винить.

– Спасибо за рекомендательное письмо.

Он сглотнул слюну. Затем кивнул. Я отвернулась и вышла из класса. Затворив за собой дверь, прислонилась к ней спиной, закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов.

И тут заметила, что я не одна. Какое-то шевеление заставило меня снова открыть глаза.

Рядом стоял Джеймс Бофорт. Он скрестил руки на груди, подошвой уперся в стену. Взгляд его был жестче, чем вчера. От заговорщицкой ухмылки, с которой он пытался всучить деньги, не осталось и следа.

Джеймс оттолкнулся от стены и пошел ко мне. Он шел медленно и выглядел угрожающе. Этот момент растянулся как в замедленной съемке. У меня чаще забилось сердце. Здесь была его территория, а я – непрошеный гость.

Остановившись передо мной, он молча огляделся, и я на мгновение забыла, как дышать. Опомнившись, я заметила, как хорошо от него пахнет. Бадьяном. Пряно и терпко, соблазнительно приятно. Мне захотелось приблизиться к нему, но я быстро вспомнила, кто передо мной.

Джеймс полез во внутренний карман пиджака.

Это помогло справиться со столбняком. Я прищурилась и сверкнула глазами.

– Если ты снова будешь совать мне деньги, я запихну их тебе в рот.

Рука Джеймса секунду была неподвижна, но потом он вынул ее из кармана. В его глазах вспыхнуло что-то мрачное:

– Прекрати корчить из себя мать Терезу и просто скажи, чего тебе надо от моей семьи.

У него был бархатный низкий голос, который странно контрастировал с грубыми словами, которые он произносил.

– От твоей семьи мне ничего не надо, – начала я, радуясь, что у меня за спиной дверь. – Кроме того, я хочу спокойно ходить в школу. А мать Тереза взяла бы деньги и отдала их столовой или нищим на улице. Ну, ты знаешь, любовь к ближнему и все такое.

Джеймс стоял с каменным лицом.

– Тебя это забавляет? – спросил он, в голосе слышалась подступающая ярость. Он сделал еще один шаг ко мне, так близко, что носки его туфель уперлись в мои ботинки.

Еще один миллиметр, и я бы пнула коленом ему в пах – и плевать, что после этого все в Макстон-холле узнали бы мое имя.

– Мне не нужны неприятности, Бофорт, – сказала я как можно спокойнее. – Ни с тобой, ни с твоей сестрой. А особенно мне не нужны ваши деньги. Единственное, чего я хочу – доучиться этот год.

– Ты правда не хочешь денег? – спросил он и посмотрел на меня с таким недоверием, что я невольно подумала, через что же пришлось пройти его семье в прошлом. И с какими людьми иметь дело.

Меня не касается, меня не касается, меня не касается!

– Да, я не хочу твоих денег. – Может, он поверит мне, если я уверенно повторю это несколько раз, глядя ему в глаза.

Казалось, он смотрел на меня целую вечность, изучая мое лицо и угадывая намерения. Затем он исследовал мой рот, подбородок и шею. Его взгляд опускался все ниже и ниже.

Когда он снова поднял глаза, на лице его отразилось понимание. Он немного отступил.

– А, тогда ясно. – Он вздохнул и посмотрел по сторонам. – Где ты это хочешь?

Я не понимала, что он имеет в виду.

– Что?

– Где ты хочешь? – Он почесал затылок. – Думаю, найдется свободная учительская. Есть подходящий ключ. – Он испытующе посмотрел на меня: – Ты как, очень шумная? А то ведь там рядом кабинет миссис Уэйкфилд, а она обычно сидит допоздна.

Я продолжала таращиться на него, пытаясь понять, какого черта ему надо.

– Не имею ни малейшего представления, о чем ты говоришь.

Он с ухмылкой поднял одну бровь:

– Да брось ты. Знаю я этот приемчик «не хочу денег».

Он внезапно схватил меня за руку и повел по коридору. Перед нужным кабинетом нашел в брючном кармане ключ и открыл дверь. Джеймс на ходу ослабил галстук свободной рукой.

Где ты хочешь?

Когда мне стало ясно, что он имел в виду под «этим», от ужаса перехватило дыхание. Вцепившись в дверной косяк, я отдернула руку.

– Что это ты устраиваешь? – накинулась я на него.

– Проведем переговоры заново, – ответил он и посмотрел на наручные часы. Они выглядели шикарно: бронзовый корпус на черном ремешке. Наверняка безумно дорогие. – Сегодня еще тренировка. Было бы замечательно, если бы мы поторопились.

Развязав галстук, он начал расстегивать рубашку, придерживая передо мной дверь и взглядом приглашая войти внутрь. Когда я увидела его грудь и постыдно застыла на выразительных мускулах, в мозгу случилось короткое замыкание. В горле пересохло, как в пустыне.

– Ты что, с катушек слетел? – прохрипела я и сделала шаг назад, пока он не снял рубашку.

Джеймс пронзительно посмотрел на меня:

– Не делай вид, будто не понимаешь, что происходит.

Я презрительно фыркнула:

– У тебя не все дома, если ты думаешь, что заставишь меня молчать своей запредельной привлекательностью. Да кем ты себя возомнил?

Он заморгал, явно удивился ситуации. Затем пожал плечами.

Щеки горели. Не знаю, от отвращения или от стыда. Думаю, я испытывала и то и другое.

– Ты абсолютно ненормальный.

Он фыркнул:

– У каждого есть цена, Робин. Назови свою.

– Меня зовут Руби, черт подери! – зашипела я и сжала кулаки. – Сейчас же отвали – вот моя цена. Я не могу допустить, чтобы меня видели рядом с тобой.

Он сверкнул глазами:

– Ты не можешь допустить, чтобы тебя видели рядом со мной? – Он расставил ударения, издеваясь над их смыслом.

Эта издевка должна была меня разозлить, но я испытывала лишь сострадание. Почти.

– Довольно того, что ты подошел ко мне в столовой. Я не хочу быть частью твоего мира.

– Моего мира, – сухо повторил он.

– Ну, ты знаешь… эти ваши вечеринки, наркотики и прочее. Я не хочу иметь с этим ничего общего.

Вдруг в коридоре послышались шаги. Мое сердце сначала остановилось, но потом забилось очень быстро. Я толкнула Джеймса в кабинет и захлопнула за нами дверь. Затаив дыхание, я надеялась, что шаги проследуют мимо кабинета.

Только не сюда, только не сюда, только не сюда.

Шаги становились все громче, и я зажмурилась. Перед дверью они остановились, но потом стали отдаляться и вскоре окончательно стихли. Я с облегчением вздохнула.

– Ты это серьезно? – Интонация Джеймса была какой-то загадочной, как и его взгляд.

– Да, – ответила я. – Застегни, пожалуйста, рубашку.

Он не торопясь выполнил мою просьбу. Будто хотел усмотреть лазейку, которую я оставила, но ничего не нашел.

– Ладно, договорились.

У меня камень с души упал.

– О’кей. Чудесно. Ну, мне пора домой, родители заждались. – Большим пальцем я показала через плечо на дверь. Он ничего не сказал. Я неловко подняла руку, прощаясь, и повернулась к выходу.

– Я все равно тебе не верю. – От его низкого голоса у меня по рукам пробежали мурашки.

Я нажала на дверную ручку:

– Взаимно.

5

Джеймс

Атмосфера в раздевалке была напряженная, воздух как будто наэлектризовался от переполняющего нас адреналина. Эти минуты перед тем, как тренер произнесет свое напутствие и мы наконец выйдем на поле, – ужасны и в то же время они самые лучшие. Любой исход кажется возможным: победа и поражение, гордость и позор, триумф и разочарование. В это время командный дух сильнее всего и мотивация выше.

Снаружи слышны кричалки одноклассников, как, впрочем, и фанатов противника. Сейчас трудно поверить, что еще пять лет назад в Макстон-холле никто не интересовался лакроссом. Тогда это был спорт для неудачников. Тех, кто не отличился ни в регби, ни в футболе, отправляли в команду лакросса, поэтому она была очень слабой. Толпа дрыщей переходного возраста с прыщавыми лицами и длинными конечностями, которые они не знали, куда девать.

Я тогда подумал: вот будет весело туда записаться. В первую очередь я надеялся этим довести отца до белого каления. И никак не ожидал, что мне может понравиться. Или что уже через несколько недель из-за тщеславия захочется что-то сделать из этой команды. Я убедил друзей перейти к нам, основательно припугнул ректора Лексингтона гневом родителей, если тот не раздобудет нам хорошего тренера, и заказал у нашего лучшего дизайнера разработку спортивной формы.

Впервые в жизни я был так увлечен. И мои старания окупились. Сейчас, спустя пять лет, после многочасовых еженедельных тренировок, после крови, пота, слез, переломанных костей и трех выигранных чемпионатов, мы наконец стали достойны парадной вывески нашей долбаной школы.

Мы из кожи вон лезли, чтобы добиться всего этого. И меня переполняет гордость всякий раз, когда перед игрой я вижу полные решимости лица команды.

Вот как сейчас.

Правда, сегодня внутри резонирует еще одно чувство. Темное и болезненное, приведшее к тому, что мне впервые за все эти годы трудно было надеть на голову защитную экипировку.

Это будет первая игра моего последнего учебного года.

Когда завершится сезон, для меня тоже все будет кончено. Лакросс станет всего лишь частью медленного обратного отсчета, который я не в силах остановить. Как бы я ни старался, все тщетно.

– Ну что? – толкнулся плечом Рэн.

Я с трудом отбросил свои мысли. Еще есть время – впереди целый год, в течение которого я могу делать что хочу. С натянутой улыбкой я повернулся к нему:

– Мы им покажем, этим засранцам из Иствью.

– Чур, МакКормак мой, – быстро отреагировал Алистер, будто только и ждал условного сигнала. – Мне надо с ним поквитаться.

– Алистер, – начал Кеш. Он потирал себе переносицу, в том самом месте, которое в прошлом году было сломано. – Забей на него. – Интонация и многозначительный взгляд Алистера не оставляли сомнения, что они уже не в первый раз говорят об этом.

– Нет, – лаконично ответил он.

МакКормак, которого, к несчастью, звали так же, как и меня, на прошлой игре намеренно ударил Кеша в лицо стиком, как только тот снял шлем. Я до сих пор помню шок, когда Кеш упал на землю. Из носа текла кровь на его трико. И я помню те минуты, когда он лежал перед нами без сознания.

Хотя МакКормака отстранили на следующие три игры, при мысли о разбитом лице товарища во мне закипал гнев – как, очевидно, и у Алистера, который до сих пор решительно смотрел на Кеша.

– Только не совершай опрометчивых поступков, – сказал Кеш, натягивая синее трико. Потом он завязал волосы в высокий небрежный пучок и закрыл шкафчик.

– Ты же его знаешь, – произнес Рэн, с ухмылкой облокотившись на кабинки раздевалки.

– Плевать, если меня отстранят от игры до конца сезона. МакКормак ответит за все. – Алистер похлопал Кеша по плечу.

– Скажи спасибо, что я постою за твою честь.

Прежде чем тот успел убрать руку, Кеш схватил ее и задержал на мгновение:

– Я тебе серьезно говорю.

Алистер сощурил свои янтарного цвета глаза:

– Я тоже.

Они смотрели друг на друга слишком долго, и атмосфера накалилась еще сильнее. Но вмешалось время.

– Поберегите лучше силы для игры, – сказал я таким тоном, что сразу стало понятно, что я обращаюсь к ним не как друг, а как капитан. Две пары разъяренных глаз устремились на меня, но прежде, чем парни успели что-то ответить, я громко хлопнул в ладоши.

Команда тут же собралась посередине раздевалки. Я натянул через голову трико с номером «17». Ткань была такой знакомой, будто она – часть меня. Во мне снова проснулось то мрачное чувство, но я подавил его и попытался сосредоточиться на тренере Фримане, который вышел из своей раздевалки и направлялся к нам. Это был высокий долговязый мужчина, которого из-за его длинных конечностей принимали скорее за бегуна на длинные дистанции или легкоатлета, чем за игрока в лакросс. Он надел кепку на светлые редеющие волосы, поправил козырек и обнял за плечи меня – капитана, и Сирила – заместителя.

Он окинул взглядом команду.

– Для кого-то из вас этот сезон первый, для кого-то последний. Общей целью остается чемпионат, – прорычал он, – все остальное второстепенно. Так что смотрите, не подкачайте.

Тренер Фриман у нас не особо красноречив, но пары его слов достаточно, чтобы вызвать в наших рядах громкие, одобрительные вопли.

– Этот сезон должен стать лучшим в истории Макстон-холла, – прибавил я чуть громче, чем тренер. – Согласны?

Парни дружно крикнули в ответ, но Сирил посчитал их ответ недостаточно громким. Он приложил ладонь к уху:

– Согласны?

Рев на этот раз стоял такой, что у меня зазвенело в ушах – идеально.

После этого мы надели шлемы и взяли стики. Путь из раздевалки по узкому туннелю был похож на погружение под воду – шум снаружи доносился приглушенно, как будто мне давило на уши. Я сильнее сжал клюшку и вывел команду на поле.

Трибуны ломились. Люди ликовали, когда мы выбегали на поле, и чирлидерши танцевали. Из динамиков громко гремела музыка, от которой земля дрожала под ногами. Я пропускал свежий воздух через легкие и впервые за последние недели чувствовал себя таким живым.

Пока запасные игроки вместе с тренером направлялись к краю площадки, мы выстроились в центре поля лицом к лицу с командой противника, которая выглядела не менее воодушевленной.

– Это будет игра что надо, – сказал стоящий рядом Сирил, озвучив мои мысли.

Пока мы ждали судью, я оглядел трибуны. Отсюда я мало кого мог разглядеть, разве что Лидию. Она, как и всегда, сидела с подругами на самом верху и вела себя так, будто ее мало интересовало это зрелище. Я посмотрел на край поля, изучая запасных игроков другой команды, потом на их тренера, который как раз шел поприветствовать Фримана.

Тут мое внимание привлекла девочка, которая подошла к тренерам. Обменявшись с ними парой слов, она показала им что-то у себя в руках. Подул ветер, и за ее волосами я смог разглядеть лицо.

Я не могу допустить, чтобы меня видели рядом с тобой.

Это воспоминание было как удар под дых. Такого мне еще никто не говорил.

Как правило, все совсем наоборот. Люди любой ценой стремятся быть замеченными рядом со мной. С первого дня, как я пришел в эту школу, одноклассники ходили за мной по пятам и пытались добиться внимания. От этого никуда не деться, если твоя фамилия Бофорт. С тех пор, как родственники со стороны мамы сто пятьдесят лет назад основали модный дом традиционной мужской одежды и по мере развития создали многомиллиардный бизнес, не было ни одного человека в стране, кто бы не знал нашей фамилии. «Бофорт» ассоциируется с богатством. С влиянием. Могуществом. И в Макстон-холле достаточно людей, которые думают, что я мог бы дать им все это – или хотя бы малую часть, – если они как следует будут льстить.

Мне не хватит пальцев на руках, чтобы сосчитать все случаи, когда после бурной вечеринки мне подсовывали эскизы костюмов. Сколько раз со мной заговаривали под каким-нибудь предлогом, чтобы во время беседы невзначай уточнить контактные данные родителей. Как часто пытались попасть в круг моих друзей, чтобы потом передавать прессе инсайдерскую информацию обо мне и Лидии. Снимок с шестнадцатого дня рождения Рэна два года назад, на котором я нюхаю наркотики, – лишь один из многих примеров. Не говоря уже о том, что пришлось пережить Лидии.

Поэтому я тщательно выбираю друзей. Рэну, Алистеру, Сирилу и Кешу не нужны мои деньги – этого добра у них и так хватает. Алистер и Сирил происходят из староанглийской аристократии, отец Рэна сделал состояние на акционерных предприятиях, а папа Кеша успешный кинопродюсер.

Люди ищут нашего внимания.

Все, кроме…

Мой взгляд остановился на Руби. Ее темные, растрепанные ветром волосы поблескивали в лучах солнца. Она боролась со своей челкой, приглаживая ее рукой, хотя это было бесполезно: через несколько секунд волосы снова раздувало ветром. Я абсолютно уверен, что никогда не видел ее до этого инцидента с Лидией. Интересно, почему.

Я правда не могу допустить, чтобы меня видели рядом с тобой.

Все в ней вызывало во мне недоверие – особенно ее пронзительные зеленые глаза. Так и хотелось подойти к ней, чтобы понять: она и на других людей смотрит так же, как на меня, с огнем и презрением во взгляде?

Эта девочка видела, как моя сестра обжималась с учителем. Интересно, какие у нее намерения. Выжидает нужного момента, чтобы взорвать бомбу? Это был бы далеко не первый кричащий заголовок о моей семье.

У Мортимера Бофорта роман с двадцатилетней!

Корнелия Бофорт впала в депрессию!

Зависимость его погубит? Джеймс Бофорт – наркоман!

После ужина с сотрудницей отцу приписали интрижку, а после ссоры родителей поставили маме диагноз – тяжелая депрессия. Из меня они сделали торчка на грани передоза, которого надо спасать. Трудно даже представить, что учудят журналисты, если разнюхают про Лидию и мистера Саттона.

Я продолжал смотреть на Руби. Она достала из рюкзака фотоаппарат и засняла рукопожатие тренеров. Мои перчатки скрипнули, так сильно я сжал клюшку. Я неправильно оценил Руби. Не знаю, правду ли она мне сказала и не скрывается ли за этим всем холодный расчет.

Может, надо было предложить ей больше денег. Или ей нужно что-то другое, и она выжидает удобный момент, чтобы потребовать…

То, что судьба моей семьи – в частности Лидии – в руках этой девчонки, мне совсем не нравилось.

Я не могу допустить, чтобы меня видели рядом с тобой.

Посмотрим.

Руби

Я ног под собой не чувствую.

Лакросс – быстрый спорт. Мячик летает от одной клюшки к другой. Я с трудом успеваю за ним следить, чтобы сделать снимок. Мне с самого начала надо было признать, что без Лин у меня не получится задокументировать игру. Обычно мы делим между собой репортажи о спортивных состязаниях: одна записывает ход игры, а другая фотографирует. Но сегодня Лин опять по вызову мамы срочно отправилась в Лондон, и мы не успели найти ей замену из группы по организации мероприятий.

Поскольку репортажи про команду лакросса набирают в нашем блоге больше всего просмотров, мы не хотели от него отказываться. Проблема в том, что для репортажа с заголовком «Макстон-холл против Иствью – схватка гигантов» мне надо ясно понимать, что, собственно, происходит на поле. Но среди криков игроков, громких наставлений тренеров и ликования зрителей довольно трудно уловить ход игры и уж тем более сделать пригодные снимки. Особенно учитывая то, что мне приходится иметь дело с фотоаппаратом, которому не меньше десяти лет.

– Проклятье! – взревел рядом со мной тренер Фриман так, что я вздрогнула.

Я подняла глаза на поле и поняла, что пропустила второй гол от Иствью. Вот черт. Лин меня убьет.

Я протиснулась поближе к тренеру. Когда смотришь игру вживую, а не по телевизору, нет мгновенного повтора момента, но, может, тренер хотя бы объяснит, что происходит. Но не успела я открыть рот, как он снова начал вопить:

– Пасуй же, черт возьми, Эллингтон!

Я обернулась на поле. Алистер Эллингтон мчался в сторону противника так быстро, что я даже не успела бы это сфотографировать. Он попытался протиснуться между двух защитников, но на пути откуда ни возьмись возник третий игрок. Эллингтон хоть и был чертовски проворным, но довольно маленьким в сравнении с другими парнями. Даже я понимала, что против троих у него нет никаких шансов.

Один из защитников во время бега сильно пихался. Эллингтон устоял на ногах, но его отбросило по скользкой траве на добрых полметра.

– Отдай пас! – закричал тренер.

Алистер снова уперся в соперника, даже мне на другом конце поля было слышно, как они поносят друг друга. И без того напряженное тело Алистера вдруг совсем закаменело, и на секунду показалось, что он и его соперник застыли в одной позе. Тренер Фриман уже набрал в грудь воздуха – видимо, чтобы выкрикнуть очередное указание, но тут Алистер замахнулся клюшкой и ударил противника в бок.

Я в ужасе замерла. Алистер снова нанес удар, на этот раз в живот противнику. Тот закричал от боли и упал на колени. Другой защитник набросился на Алистера, повалил на землю и принялся колотить, не снимая перчаток. Алистер и его ударил клюшкой. Прозвучал пронзительный звук свистка, но потребовалась помощь нескольких человек, чтобы растащить дерущихся. Я услышала низкий голос Джеймса Бофорта. Он кричал на Эллингтона. И я могла себе представить, что он как капитан команды сейчас с удовольствием оторвал бы ему голову.

Рядом со мной без остановки чертыхался тренер Фриман. Из всех его ругательств «проклятое дерьмо» было самым безобидным. Он снял кепку и принялся рвать на себе волосы с такой яростью, что мне показалось, будто пара клоков упала на землю. Вскоре судья удалил Алистера с поля.

Он подошел к нам на край площадки, снял с головы шлем и вынул изо рта капу. Все это небрежно бросил на землю.

– Что, черт возьми, случилось, Эллингтон? – прорычал тренер.

Я аккуратно попятилась, чтобы не попасть под горячую руку.

– Говнюк заслужил, – ответил Алистер. Его голос был совершенно спокойным, будто он и не участвовал в драке.

– Ты…

– Отстранен от следующих трех игр? – Алистер пожал плечами. – Если вы думаете, что так будет лучше для команды, то на здоровье.

Он не спеша прошел мимо тренера, бросил клюшку на землю и начал снимать перчатки. Заметив мой взгляд, остановился.

– Что? – вызывающе спросил он.

Я отрицательно помотала головой.

К счастью, судейский свисток избавил меня от необходимости отвечать. Как можно быстрее я вернулась на свою исходную позицию. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы разобраться, где теперь мяч – а он был у клюшки Рэна Фицджеральда. Рэн не такой быстрый, как Алистер, но зато сильный. Он плечом сбил с пути игрока Иствью, но мяч у него отобрали. Однако Бофорт догнал противника и перехватил мяч.

Я недовольно скривилась, настолько хорош был Бофорт. Даже чертовски хорош. Он двигался проворно, подстраивался под шаг противника и не щадил никого, кто вставал на его пути. Из-за шлема я не видела лица, но не сомневалась, что он получает огромное удовольствие от игры. Когда Джеймс на поле, кажется, будто он всю жизнь только и делал, что бегал сквозь толпу соперников с клюшками.

– А ты что тут делаешь? – внезапно раздался позади голос Алистера. Он не только заставил меня вздрогнуть, но и напомнил, зачем я здесь, собственно, нахожусь. Я быстро раскрыла блокнот.

– Я пишу репортаж об игре для Макстон-блога, – сказала я, не поднимая глаз. – Как зовут защитника, который отнял мяч у Рэна?

– Харрингтон, – ответил Алистер. Я чувствовала на себе его взгляд, а тренер Фриман в это время произносил очередную ругательную тираду. Видимо, пока я была занята записями, Бофорт упустил мяч. Иствью снова завладели игрой.

– Давай, Кеш, – тихо произнес Алистер.

Нападающий Иствью подпрыгнул на полметра вверх, чтобы схватить мяч. Приземлившись, он сделал два коротких шага и мощным движением бросил мяч вперед. Все произошло так быстро, что я сначала не поняла, попал он в сетку или нет. Но когда Кешав поднял клюшку вверх, на трибунах со стороны Макстон-холла раздалось громкое ликование. Похоже, тихое заклинание Алистера помогло – он поймал мяч.

– Давай-ка я постою рядом, пока ты пишешь репортаж, – сказал Алистер в тот момент, когда я записывала в блокнот: «Кешав поймал мяч на последней секунде».

Я недоверчиво взглянула на него. Первый раз я видела его вблизи.

– Ты без причины побил другого игрока. Как мне оправдать твои действия?

По его лицу пробежала тень, когда он снова посмотрел в сторону Кешава:

– Кто сказал, что не было на то причины?

Я пожала плечами:

– Со стороны это выглядело так, будто ты не очень-то думал о том, что делаешь.

Алистер высоко подняв бровь:

– Я месяцы ждал момента, чтобы начистить морду МакКормаку. И как только он раскрыл свой рот и начал оскорблять моих друзей, у меня появился отличный повод.

Он смахнул упавший на лоб светлый локон. Тут его взгляд остановился на моих записях. Он поморщился:

– Как ты собираешься это расшифровывать, когда будешь писать статью? Это же невозможно прочитать.

Я хотела поспорить, но он был прав. Обычно у меня нормальный почерк, а если постараюсь, даже красивый. Но с той скоростью, с которой я записывала ход

игры, сделать пометки разборчивыми не представлялось возможным. Получились ужасные каракули.

– Обычно мы вдвоем. – Я начала оправдываться, хотя мне было все равно, что Алистер Эллингтон подумает о моем почерке. – А это не так-то просто, одновременно фотографировать и следить за игрой, чтобы потом все записать.

– А почему ты просто не сняла игру на видео? – Звучало так, будто он и правда был заинтересован, а не искал повод посмеяться надо мной.

Я ничего не ответила и подняла фотоаппарат.

Алистер снова поморщился:

– Сколько же лет этой штуковине?

– Думаю, мама купила его перед рождением моей сестры, – ответила я.

– А сколько лет твоей сестре? Пять?

– Шестнадцать.

Алистер заморгал, потом расплылся в улыбке. Сейчас он выглядел совсем не как жестокий игрок в лакросс, несколько минут назад избивший человека клюшкой. Скорее как… ангел. У него были красивые, правильные черты лица, обрамленные светлыми кудрями – он казался абсолютно безобидным. Но я знала, что это не так. Алистер считался одним из лучших друзей Джеймса Бофорта – а значит, он точно не безобиден.

– Подожди минуту, – вдруг сказал он, повернулся и исчез в проходе, ведущем к раздевалкам. Не успела я сообразить, что парень задумал, как он уже стоял передо мной, держа в руках черный айфон.

– В нем хотя и маловато памяти, чтобы снять всю игру, но я могу сделать несколько снимков, – заявил он. Алистер разблокировал экран, открыл камеру и направил объектив на поле. Заметив, что я стою не шевелясь, он поднял бровь:

– А ты смотри за игрой, а не на меня.

Я была так удивлена, что перестала следить за ходом важнейшей игры.

– Ты хочешь помочь?

Он пожал плечами:

– Мне все равно больше нечего делать.

– Это… очень мило с твоей стороны. Спасибо.

– Я старалась, чтобы эта фраза не звучала слишком недоверчиво, но у меня не получилось. Я поверить не могла, что это брат Элейн Эллингтон. Элейн бы не взялась мне помогать. Только высмеяла бы за фотоаппарат и позаботилась о том, чтобы на следующий день об этом знали все.

Я еще какое-то время поглядывала на Алистера краем глаза. Он, казалось, всерьез подошел к новой задаче. Он делал один снимок за другим и лишь изредка опускал телефон, чтобы прокричать команде что-нибудь приободряющее или поругать противников.

Я полностью погрузилась в записи, теперь это было намного легче сделать. Когда к нам подошел тренер Фриман, я сначала подумала, что он хочет прогнать Алистера за плохие слова в адрес нападающего Иствью. Но вместо этого он встал рядом со мной и начал объяснять ход игры и подсказал названия некоторых маневров.

До конца матча оставалось десять минут, пошел дождь. Но это обстоятельство еще больше приободрило болельщиков и игроков. После того, как Макстон-холл решил исход игры благодаря пасу от Сирила Веги к Бофорту, фанаты, казалось, просто слетели с катушек. Тренер издал звериный крик, повернулся к ним и поднял вверх сжатые кулаки.

Я быстро закрыла блокнот и сунула его в рюкзак. Волосы у меня намокли, а челка прилипла ко лбу. Поправлять ее было бессмысленно, а зачесывать назад совершенно не хотелось, так как я унаследовала от отца довольно высокий лоб.

Игроки один за другим трусцой покидали поле, и каждый давал Алистеру «пять» – все, кроме Кешава, который сразу направился к раздевалке, даже не взглянув в его сторону. На лице Алистера промелькнула эмоция, которую я так и не смогла разгадать. Улыбка на мгновение сошла на нет, а взгляд помрачнел и стал будто непроницаемым. Но потом Алистер моргнул, и радостное выражение лица вернулось так быстро, что я подумала: мне все привиделось.

Алистер снова заметил мой взгляд и удивленно поднял брови.

– Спасибо еще раз, – быстро сказала я, чтобы его опередить. Я не знала, будет ли он так же любезен со мной, когда рядом окажутся друзья, и мне совсем не хотелось это проверять. – За снимки.

– Не за что. – Он потыкал в сенсорный экран телефона и протянул его мне. На экране был открыт режим набора номера. – Введи свой, чтобы я скинул тебе фотографии.

Я взяла телефон. Но прежде чем успела набрать свой номер, раздался голос, уже так хорошо мне знакомый:

– Что это вы тут делаете?

Я опешила.

Передо мной стоял Джеймс Бофорт. Он промок до нитки: от дождя русые волосы потемнели и упали на лоб, отчего черты лица его стали еще более угловатыми. В одной руке он держал клюшку, в другой шлем, и, похоже, не особо волновался, что вода стекала с лица, по плечам и дальше смешивалась с грязью, налипшей на трико во время игры.

Я невольно уставилась на его мокрое тело. Этот вид пробудил во мне что-то, не имеющее ничего общего с чувством недоверия и неприязни. И хотя я впервые испытывала нечто подобное, я точно знала, что Джеймс Бофорт – последний человек, к которому я бы хотела это испытывать.

Я решительно отбросила все мысли о том, что это могло бы значить, и попыталась выглядеть как можно более безразличной.

К счастью, Алистер ответил первым:

– Она пишет статью об игре для блога Макстон. – Он взял из моих рук телефон, посмотрел на номер и на имя, под которым я его сохранила. Сомневаюсь, что он до этого знал, как меня зовут. – Я позже пришлю тебе снимки, Руби.

– Супер, большое спасибо, – поблагодарила я, хотя мысленно уже была готова к тому, что он, скорее всего, ничего не пришлет. Как бы сильно он ни удивил меня за последние тридцать минут, он все равно оставался Алистером Эллингтоном.

– Пойду посмотрю, как злится Кеш…

– Он очень зол, – сказал Джеймс и холодно посмотрел на своего друга и на товарищей по команде. – Так же, как и я и все остальные. Я тебе говорил, чтоб ты не трогал МакКормака.

– А я тебя не слышал. – Алистер пожал плечами: – Может, ты и мой капитан, Джеймс, но не моя мама. – Это звучало так, будто ему было абсолютно безразлично, что о нем думает Джеймс, но затем он похлопал его по плечу, и это выглядело как извинение. После этого он повернулся и пошел в раздевалку.

Взгляд Джеймса снова упал на меня. Он был еще холоднее, чем обычно. Была ли я тому виной или короткая ссора с Алистером – не знаю. Мне хотелось как можно скорее убраться отсюда.

– Что это значит? – спросил он.

В один миг дождь показался совсем ледяным.

– Не знаю, о чем ты, – произнесла я смелее, чем чувствовала себя на самом деле.

Он издал короткий звук, похожий на смех. Или на лай? До конца не уверена. Я заметила, что его поза стала жестче, а выражение лица еще более решительным.

– Отвяжись от моих друзей, Руби.

Я и слова не успела сказать, как он вдруг быстро обошел меня сбоку и направился в сторону раздевалки, пока зрители на трибунах продолжали ликовать.

6

Джеймс

– Тухлая вечеринка. – Рэн сделал большой глоток из фляжки и передал ее Сирилу, который стоял рядом, облокотившись на балюстраду, с таким же брезгливым выражением на лице.

Под нами был Вестон-холл – выдающийся, роскошный танцевальный зал с типичными для Макстон-холла окнами в ренессансном стиле, паркетом с плетеным узором и лепниной на стенах. Как и весь остальной кампус, этот зал переносил тебя в атмосферу пятнадцатого века, по крайней мере, обычно переносил.

Но в этот вечер возникло ощущение, что ты попал на детский утренник. С оформлением промахнулись, а шведский стол составляли детский пунш и закуски в стеклянных баночках, украшенных бантиками. Музыка была ужасной. Чем занимался диджей за своим пультом, для меня остается загадкой. Между песнями – никаких переходов, не раз думалось, что он просто включил плейлист в Spotify и нажал «перемешать». Я все ждал, что общее раздражение обрушится на этого дилетанта. Кроме того, гости не совсем понимали, как нужно было одеться на вечеринку. Одни переусердствовали, другие пришли в чем были.

И в целом вечер оказался полным провалом. Казалось, кто-то хотел привнести в Макстон-холл чего-то новенького, но не смог полностью отказаться от традиций. Получилась странная мешанина из благородства и инноваций, которая путала гостей и душила любую искорку веселья.

– Ой, да ладно. Все не так уж и плохо, – прервал мои мысли Алистер. Он засунул руки в карманы и покачался на ступнях, не сводя глаз с танцпола, где стояли всего два-три человека.

– Ты единственный, кому нравится эта вечеринка, – закатил глаза Кеш.

Алистер пожал плечами:

– Потому что она забавная.

Кеш скривил рот. Он взял у Сирила фляжку и, не отпивая, передал мне.

– Погоди, еще будет весело. – Я позволил себе сделать большой глоток виски и наслаждался тем, как он обжигает мое горло.

Рэн смотрел то на меня, то на Алистера. Потом выпучил глаза:

– Ты что-то задумал?

Я не ответил, лишь слегка пожал печами, но Алистера, как всегда, выдала мимика. Не обязательно знать его хорошо, чтобы по лицу догадаться: он что-то замышляет. Парня выдавали хитро сверкающие глаза и напряженная поза.

– Не могу поверить. Ты что-то задумал, ему рассказал, а мне нет? – Рэн с упреком указал пальцем сперва на Алистера, потом на меня. – И это называется лучший друг? Да это предательство.

Я ухмыльнулся:

– Предательство?

Он энергично кивнул:

– Государственная измена. Преступление против братства, связывающего нас с детства.

– Чушь собачья.

За скупой ответ я получил боксерский удар в плечо.

– Взгляни на это с другой стороны, Рэн: он приготовил для тебя крутой сюрприз, – сказал Алистер и ущипнул Рэна за щеку. Тот скривился:

– Надеюсь, он удастся.

Язык у него уже заплетался, хотя фляжка обошла нас по кругу всего три раза. Тем не менее, когда Рэн опять схватился за фляжку, я не стал ее отнимать. Конечно, позорно пить дорогой виски Bowmore вот так, а не из хрустальных бокалов, но на вечеринках в Макстон-холле алкоголь наливают только родителям или давним выпускникам. Ученикам строго запрещено даже приближаться к бару. Разумеется, нас это никогда не останавливало, мы умели самостоятельно организовать себе веселье, а большинство учителей закрывали глаза на то, что мы пьяные. Самое серьезное, что мы за это могли получить, – замечание.

Мои родители ежегодно жертвуют столько денег, что школе ничего не остается, как закрыть на нас глаза. Дирекция просто не может себе позволить потерять расположение – наше или наших друзей.

– А куда запропастилась Лидия? – спросил Сирил. Он хотел, чтобы фраза прозвучала легко и несерьезно, но нас не провести. Сирил уже много лет влюблен в мою сестру. Но после того, как два года назад у них что-то было, дела стали совсем плохи. Лидия, всегда думающая только о себе, бросила его через пару недель, даже не беспокоясь о том, что Сирил по уши в нее влюблен и что она разбила ему сердце.

Мне его было прямо-таки жаль. Если подумать, за два года он больше ни с кем не встречался и наверняка все еще тоскует по ней.

– Ты не находишь, что тебе пора… ну не знаю… двигаться дальше? – спросил Алистер.

Ледянисто-голубые глаза Сирила метнули в Алистера испепеляющий взгляд.

– Лидия еще днем уехала к подруге, думаю, она будет позже, – ответил я, чтобы не усугублять ситуацию. Всякий раз, когда мы заводим разговор на тему Лидии, Сирил чувствует себя ужасно оскорбленным.

Он ни при каких условиях не должен знать, что у моей сестры было что-то с недоучителем.

Тут я вспомнил, что мне надо бы еще перекинуться словечком с мистером Саттоном. Если этот подонок не оставит сестру в покое, я превращу его работу в Макстон-холле в ад.

Я жалел, что до сих пор не взялся за него. Но сначала надо было убедиться, что Руби будет держать язык за зубами. Прежде всего потому, что в этой девочке есть что-то, вызывающее во мне сомнения.

Два дня назад мы встретили ее в коридоре, когда шли с Лидией на философию. Сестра сразу же опустила глаза, а я уставился на Руби. Наши взгляды пересеклись, но уже через мгновение она смотрела сквозь меня, как через стекло. Я же, наоборот, следил за ней, пока мы не разминулись. Мне особенно запомнилась ее гордая осанка. То, как крепко Руби сжимала в руках папку, целеустремленная походка и поднятый вверх подбородок… Она выглядела так, будто шла на бой.

Я автоматически начал искать Руби глазами. Мой радар, должно быть, как-то был настроен на нее, потому что в толпе из сотни людей я отыскал ее за несколько секунд. Я облокотился на перила балюстрады и слегка наклонился.

Руби стояла у края шведского стола и что-то быстро записывала на планшете с зажимом для бумаги. Она подняла глаза, осмотрелась и продолжила писать. Потом резко развернулась и подбежала к музыкальной установке, за которой стоял диджей. Она показала ему записи.

В моей голове что-то щелкнуло.

О, черт.

Должно быть, она в команде оргкомитета.

У меня задрожали уголки губ. Это было бы забавно.

Руби сказала диджею еще что-то, и тот кивнул. Затем она пересекла танцпол и вернулась на свое место возле шведского стола, оказавшись немного в стороне от гущи событий. Она опустила руку в вырез темно-зеленого платья и достала оттуда телефон. Что-то набрала на нем и убрала назад. В этот момент к ней подошел какой-то тип в костюме.

Когда я понял, кто это, то невольно сжал деревянные перила.

Грэхем Саттон.

Помимо того, что для меня всегда подозрителен всякий, кто приближается к моей сестре, при виде Саттона сработали сразу несколько тревожных звоночков. Особенно теперь, когда я видел, как он разговаривает с Руби. Она хотя и избегала его взгляда, но не выглядела особо сердитой.

Я прищурился, мысленно проклиная себя за то, что стою здесь наверху, а не у шведского стола, где мог бы слышать, о чем они говорят. Может быть, о чем-то банальном вроде организации мероприятий. Или обсуждают мою сестру.

Что, если эти двое заодно? Что, если Саттон о чем-то договорился с Руби? Эта мысль еще не приходила мне в голову, и я сомневаюсь, что сестра это учла. Лидия так и не сказала, как получилось, что она спуталась с учителем, но я достаточно хорошо знаю ее, чтобы понять: этот мужчина нечто большее, чем источник адреналина.

Во мне зародилась неукротимая потребность защитить Лидию. Не раздумывая, я достал из внутреннего кармана пиджака телефон. Разблокировал, смахнул пальцем по экрану влево, чтобы открыть камеру.

В углу, где стояли Руби и мистер Саттон, было темно. Он положил руку ей на плечо и при разговоре слишком близко наклонился к ее лицу. Только присмотревшись, можно было заметить, что Руби держит свои записи, и они оба туда смотрят. Очевидно, они разговаривают об организации вечеринки.

В жизни это выглядит совершенно безобидно. Но на экране телефона – благодаря удачному ракурсу и хорошей обработке – все можно будет истолковать совсем иначе. Я сделал снимок. Несколько раз подряд.

– Что ты там делаешь? – спросил Алистер у меня за спиной. Он взглянул через мое плечо на экран телефона.

– Подстраховываюсь, – ответил я.

Он наморщил лоб:

– Что ты имеешь против нее?

Я сделал глубокий вдох. Сейчас бы Bowmore побольше, чтобы отключить голову. Это мне не удается уже несколько дней.

– Она видела кое-что, чего ей нельзя было видеть.

Алистер какое-то время смотрел на меня, обдумывая услышанное, потом кивнул:

– О’кей.

– Если она расскажет об этом кому-нибудь, у Лидии будут серьезные неприятности.

Он посмотрел вниз на Руби, которая все еще разговаривала с мистером Саттоном.

– Я понял.

Сделав последний снимок, я убрал телефон во внутренний карман пиджака. И потом уставился на входную дверь зала:

– А вот и мои гости.

По лицу Алистера расплылась ухмылка:

– Шоу начинается.

Руби

Вечеринка в полном разгаре. В одиннадцать часов в Макстон-холл прибыли гости, они ели и пили, общались и танцевали. До сих пор все шло как надо, и ректор Лексингтон поздравил нас с Лин с удавшимся вечером. У меня гора с плеч свалилась, и я уже подумывала, не пойти ли мне на танцпол и немного оторваться. Но я отпустила Дугласа и Камиллу, а кто-то из нас должен присматривать за шведским столом, чтобы никто не додумался подмешать в пунш алкоголь.

Первые два часа вечеринки танцпол был пуст, и я начала волноваться. Но Киран, который отвечал в нашей команде за музыку, сказал, что это нормально. И оказался прав. Уже через полчаса гости танцевали под ремиксы песен из популярного хит-парада, которые лично мне совсем не нравились, но здесь, кажется, пошли хорошо.

Я осмотрелась. Многие лица были мне незнакомы, но так и задумано. Главная цель вечеринки – собрать выпускников, найти спонсоров и привлечь родителей потенциальных учеников. Ректор Лексингтон первым делом объяснил мне это, когда я два года назад вызвалась работать в оргкомитете. Развлечение учеников – второстепенная задача мероприятия.

Внезапно погас свет. Музыка тоже смолкла.

На секунду я замерла, но потом быстро полезла в бюстгальтер и достала оттуда телефон.

– Черт, черт черт, – бормотала я, пытаясь включить фонарик.

По залу прошел шепот недовольства, который эхом отозвался у меня в голове. Эта вечеринка должна была пройти идеально. Ни в коем случае нельзя допустить срыва. Даже если сломается электрогенератор – отвечать за это придется мне и Лин, и я уже мысленно выслушивала речь разочарованного мистера Лексингтона о важности планирования и умении все предусмотреть, а также об уроне репутации, который мы нанесли школе.

Я сразу стала протискиваться мимо шведского стола. Искать Лин бессмысленно, надо срочно бежать к коменданту Джонсу и вести его в подвал, к электрощитку…

Свет снова зажегся. Я облегченно выдохнула и приложила руку к бешено бьющемуся сердцу. Затем повернулась и увидела за диджейским пультом Джеймса Бофорта, сердце тут же ушло в пятки.

Он поговорил с диджеем и сунул что-то ему в руку. Думаю, деньги. Я стиснула зубы. Я стояла слишком далеко, чтобы быстро туда добраться. Я взглянула на танцпол. Некоторые гости озадаченно смотрели по сторонам, видимо, хотели понять, почему нет музыки. Другие направились к шведскому столу или к бару.

То, что среди них оказались незнакомые мне люди, не имеющие отношения к Макстон-холлу, я заметила, когда было уже слишком поздно.

– Друзья, – раздался голос диджея. – Я только что узнал, что для вас приготовили особый сюрприз. Вы готовы?

Во мне все перевернулось. Я заметила Лин и Корана на другом конце танцпола. Они стояли, белые как мел, и не двигались.

– Приятного отдыха!

Свет приглушили, и зал погрузился в полумрак. Когда музыка вновь заиграла, по толпе пробежал шепот удивления. В зазвучавшей музыке считывались глубокие басы и медленный бит, от которого начали дребезжать люстры. Я уставилась на танцпол. Несколько мужчин и женщин танцевали очень откровенно. Атмосфера в зале резко поменялась. Я уже хотела подойти к Бофорту, чтобы призвать его к ответу, но кто-то схватил меня за руку.

– Ты Руби Белл? – спросил незнакомый парень. Я рассеянно кивнула. На другом конце зала одна из девушек схватила мистера Саттона и мистера Кабота и потащила их на середину танцпола.

– Вот тебе подарок от твоего друга Джеймса Бофорта, – продолжил парень и подсунул мне стул так, что я на него упала. Я удивленно таращилась по

сторонам.

Голубоглазый юноша лет двадцати, со светло-русыми, зачесанными назад волосами. Он встал передо мной… и начал танцевать. У меня в горле пересохло. Голова отключилась. Я не могла поверить в происходящее. Парень сначала медленно снял пиджак, затем бодро развязал черную бабочку. Когда он ее развязал и бросил назад в толпу, несколько женщин завизжали от восторга. Стриптизер стал играть своими подтяжками и, улыбаясь мне, медленно снял одну лямку с плеча. Затем он плавно развернулся и резко отпустил вторую лямку, так, что она хлопнула его по груди. Потом он наклонился ко мне и начал покачивать бедрами в такт мелодии.

– Не хочешь помочь, Руби? – прошептал он, взяв мою ладонь в горячую руку и потянул ее к подтяжке.

– Давай же, смелее! – выкрикнул кто-то из толпы.

Это привело меня в чувства.

Я вскочила. Парень отпрянул. На долю секунды мне показалось, что он смутился, но тут же на его лице снова появилась манящая улыбка. Недолго думая, он сам снял подтяжку и продолжил шоу как ни в чем не бывало.

Я посмотрела на танцпол, и мое сердце остановилось. Две молодые женщины танцевали перед мистером Каботом. Кроме блестящих трусиков и тонких кружевных бюстгальтеров на них ничего не было.

Это мог быть мой худший ночной кошмар, от которого я должна в любой момент проснуться в холодном поту. Но когда я увидела Алистера Эллингтона, на коленях у которого сидел мужчина и точно так же стягивал с себя подтяжки, а затем привлек помочь расстегнуть на себе рубашку, я поняла – это реальность.

Я в ярости повернулась и увидела Джеймса Бофорта. Он стоял в углу и наблюдал за происходящим. В руке он держал стакан с темной жидкостью, а на лице его застыло блаженное умиротворение. В следующее мгновение наши взгляды встретились. Он с улыбкой приподнял стакан, приветствуя меня. Я ясно понимала, что сейчас будет правильно найти Лин и вместе пойти к учителям, чтобы как можно скорее прекратить это безумие. Но мне так хотелось

напакостить Джеймсу, сделать ему больно. И хотя мне хотелось этого больше всего на свете, я все же одумалась.

Я еще успею сделать Джеймсу Бофорту больно. И я даже знаю как.

7

Джеймс

В понедельник только и было разговоров, что о прошедшей вечеринке. Онлайн-форум школы за выходные просто взорвался от комментариев: все делились фото и видео, а когда мы шли по коридору, ученики хлопали нам и благодарили за удавшийся вечер. Акция не только вылилась в громкий заголовок в школьной ежедневной газете, но и обсуждалась в других школах Англии.

Родители, конечно, не поверили ни единому моему слову, когда я их уверял, что не имею к этому происшествию никакого отношения, но в результате больше злились на Лидию, которая так и не появилась на вечеринке.

В общем, вечеринка пользовалась большим успехом.

По крайней мере до того момента, пока громкоговорители в коридорах не известили всю школу:

«Джеймс Бофорт должен немедленно явиться в кабинет ректора Лексингтона».

Этого я и ждал. Лексингтон еще во время общего собрания, которое обычно проходит в Бойд-холле по понедельникам, высказал свое разочарование по поводу инцидента и многозначительно напомнил ученикам о кодексе Макстон-холла. Каждый раз одно и то же: мы устраиваем какую-нибудь фигню, он говорит на собрании перед всеми, как он потрясен, вызывает нас к себе в кабинет, чтобы сделать последнее предупреждение, и через пять минут снова отпускает.

– Посмотрим, прочитает ли он и в этот раз ту же самую лекцию, – сказал Рэн и обнял меня за плечи, прижав к себе. – Не давай себя в обиду.

– Никогда, – ответил я, попрощался с ним и с другими и поплелся к кабинету ректора. Когда я зашел в приемную, секретарша молча указала мне на дверь.

Я без промедлений постучался.

– Войдите.

Я вошел и закрыл за собой дверь, а потом замер. У ректорского стола стоял тренер Фриман, а перед ним сидела… Руби. Она взглянула на меня через плечо и отвернулась.

– Вы хотели со мной поговорить? – спросил я. Их присутствие немного удивило.

Лексингтон указал на место справа от Руби:

– Садитесь. – Тон был не таким, как всегда. Обычно при разговоре со мной ректор казался нервным и раздраженным, как будто все это слишком ему докучает и он хочет поскорее вернуться к более важным делам. В этот раз его голос звучал пугающе спокойно. Даже морщины на лице казались глубже, чем обычно. Кажется, я попал под его горячую руку.

Я опустился на стул перед письменным столом.

– Это правда, что вы пригласили на наш праздник в минувшие выходные… – Он откашлялся. Очевидно, искал приличное для присутствующих слово. – Эстрадных артистов, которые учинили безобразие?

При словах «эстрадные артисты» я еле сдержался, чтобы не засмеяться.

– Зависит от того, кого вы имеете в виду под «эстрадными артистами», сэр, – важно произнес я. – Клянусь, к диджею я не имею никакого отношения.

Лексингтон кивнул и посмотрел на меня так холодно, что стало неловко.

– Вы полагаете, что это все шуточки, мистер Бофорт?

Я неуверенно пожал плечами:

– В какие-то дни да, сэр.

Руби возмущенно фыркнула. Я посмотрел на нее, но она тут же отвела взгляд.

Ректор Лексингтон склонился над темным столом из красного дерева. Свет с улицы освещал лишь половину его лица. Воцарившееся молчание вдруг показалось мне каким-то таинственным.

– Скажите, мистер Бофорт, как, по вашему мнению, этот инцидент отразится на репутации школы?

Над ответом пришлось немного подумать.

– Полагаю, он пойдет на пользу ее имиджу. Здесь все слишком строго – не повредит иногда и разрядить обстановку.

– У тебя и правда не все дома, – зашипела Руби.

– Мисс Белл! – рявкнул мистер Лексингтон. – Вам пока слова не давали.

Руби побледнела. Она тут же поджала губы и опустила взгляд на зеленый рюкзак у себя на коленях, готовый вот-вот развалиться.

– Мистер Бофорт, то, что вы учинили, переходит всякие границы. Я не могу закрыть глаза на случившееся в стенах «Макстон-холла».

…поэтому вы получаете выговор с предупреждением. Если такое повторится, вам придется столкнуться с последствиями.

Я наизусть знал текст Лексингтона. Меня так и подмывало озвучить его одновременно с ним и посмотреть на реакцию.

– Вы взрослый человек, и это ваш последний учебный год. Вам пора стать более ответственным и понять, что ваши поступки имеют последствия, – продолжал Лексингтон.

О, эта фраза – что-то новенькое.

– Поскольку вы испортили первое мероприятие этого года, я считаю справедливым, если с этого момента и до конца семестра вы будете помогать комитету по организации. Назовем это общественно полезной работой под присмотром мисс Белл.

На секунду воцарилась тишина, и тут…

– Что? – в один голос воскликнули мы с Руби. И уставились друг на друга.

– Об этом не может быть и речи, – заявил я, а Руби тем временем забормотала:

– Сэр, ну я не знаю…

Лексингтон поднял руку, заставив нас тем самым замолчать. Он смотрел на меня поверх своих очков без оправы, как бы сверля взглядом.

– Мистер Бофорт, вы учитесь в этой школе с пяти лет. Сейчас вы стали позволять себе непростительные вещи, – начал он. – При этом ни разу не понесли никакого наказания. Я закрыл глаза на то, как вы устроили автогонки на территории школы. Я терпел, когда вы с друзьями решили, что нарядить памятник нашему основателю в чирлидерскую форму и парик – забавная идея. Или когда вы создали на сайте знакомств мою страницу и страницы других учителей. Или когда вы устроили несанкционированную вечеринку в Бойд-холле. Не говоря уже о тех бесчисленных случаях, когда вы заявлялись пьяным на официальные мероприятия. Но вам пора усвоить, что ваши фокусы вызывают соответствующую реакцию. Колледж Макстон-холл двести лет работал над своей репутацией. Мы ассоциируемся с дисциплиной и совершенством, и я не могу допустить, чтобы этому навредило ваше юношеское безрассудство. – Тут Лексингтон строго посмотрел на тренера Фримана, и тот кивнул. И снова взгляд ректора остановился на мне. Стало нехорошо от дурного предчувствия. – Мистер Бофорт, с этого момента и до конца семестра ваше членство в команде лакросса приостановлено.

Зазвенело в ушах. Я видел, как Лексингтон открывает рот и продолжает говорить, но до меня не доходило ни единого слова.

В прошлом сезоне игрок из команды противника так сильно сделал перехват своей клюшкой, что мы оба упали на землю – он всем своим весом рухнул прямо на меня. Такой боли я еще никогда не испытывал и полминуты просто не мог сделать вдох.

Примерно то же самое я испытывал и сейчас.

– Вы… вы не можете, – прохрипел я, ненавидя себя за то, как жалко это прозвучало. Я откашлялся, сделал глубокий вдох и надел на лицо непроницаемую маску, как всегда учил отец.

– Нет, мистер Бофорт, могу, – сдержанно ответил ректор и сложил руки на животе. – И сделаю это прежде, чем вы начнете угрожать родителями, – я уже разговаривал сегодня утром с вашим отцом. Он меня заверил, что поддержит любое мое решение.

Этого я тоже не ожидал.

– При всем уважении, сэр, это наш последний сезон. Я капитан команды, я нужен ребятам. – В поисках поддержки я поднял глаза на тренера Фримана.

Его сожалеющий взгляд был словно удар под дых.

– Ты знал, на что шел, Бофорт.

– Алистер отстранен от следующих трех игр. Если и меня не будет…

– Капитаном станет Сирил, а на твое место на поле я поставлю кого-нибудь из новеньких.

У меня пересохло в горле. Я почувствовал, как от злости горят щеки и дрожат руки. Я так крепко сжал кулаки, что щелкнули костяшки пальцев.

– Пожалуйста, мистер Фриман!

Краем глаза я видел, как Руби ерзала на стуле. Кажется, эта ситуация ей крайне неприятна, но в тот момент было все равно, что она обо мне думает.

Это мой последний год в школе. Несколько месяцев до того момента, когда моя жизнь пойдет под откос. Ради лакросса, ради этого последнего беззаботного времени среди друзей я готов пойти на все. Даже если мне придется выслуживаться на глазах у Руби Белл.

К моему ужасу, тренер Фриман не изменился в лице. Он лишь отрицательно покачал головой, скрестив руки на груди.

– Мисс Белл, надеюсь, вы посвятите мистера Бофорта в дела оргкомитета, – продолжил ректор Лексингтон, как будто вовсе не разрушил мою жизнь. – Он будет принимать участие во всех заседаниях, работать на всех мероприятиях до конца семестра. Если мистер Бофорт станет создавать вам проблемы, обращайтесь сразу ко мне, понятно?

– Да, сэр, – тихо, но решительно сказала Руби.

– Когда состоится очередное собрание? Мистер Бофорт прямо сейчас может вписать его в свой график.

Руби откашлялась, и я нехотя повернулся к ней.

Взгляд ее был жестким, но мой – еще жестче.

– Ближайшее собрание будет сегодня после обеденного перерыва в одиннадцатой аудитории в библиотеке, – выдала она совершенно безэмоционально.

Я стиснул зубы, судорожно пытаясь найти хоть какой-нибудь выход из этой ситуации, но его не было. Кроме того, я не имел ни малейшего представления о том, как буду объясняться с родителями.

На сей раз я по-настоящему облажался.

Руби

– Что? – Лин воскликнула так громко, что, наверное, даже в библиотеке был слышен ее голос. Остальная команда, услышав мое объявление, лишь растерянно моргала глазами.

– С этого момента Джеймс Бофорт является членом оргкомитета, – повторила я так же спокойно, как и в первый раз.

Лин расхохоталась. Дождавшись, когда она немного успокоится, я продолжила:

– Пожалуйста, когда он придет, ведите себя как обычно. – Произнося последнюю фразу, я заметила, как Джессалин Кесвик уже вовсю красила губы блеском. Нежно-розовый цвет отлично подчеркивает ее темную кожу, как, впрочем, и любой макияж. Джессалин классная и харизматичная девушка, которая всегда всех очаровывает. Я могла бы часами на нее смотреть.

– А что? – спросила она с невинной улыбкой. – Я просто хочу выглядеть хорошо, когда придет Бофорт. – Она послала мне воздушный поцелуй. Я закатила глаза, но все же сделала вид, будто поймала его и аккуратно положила в пенал. Остальные члены команды засмеялись.

– Чего Лексингтон хочет этим добиться? – строго спросил Киран Резерфорд, который был на класс младше нас. Из-за бледной кожи, проницательных глаз и длинных волос он походил на вампира – этакий юный граф Дракула с четко очерченными скулами. Он учится в Макстон-холле благодаря стипендии и работает в нашей команде так же усердно, как и мы с Лин. – Мы обратим его в нашу веру и наставим на путь истинный?

Лин фыркнула:

– Поверь мне, обращение не поможет.

Вот она, причина, по которой Лин – моя лучшая подруга в Макстон-холле.

– Но-но! – вмешалась Камилла. Неудивительно, ведь она одна из лучших подруг Элейн Эллингтон, а значит – часть компании Джеймса. Вдобавок она терпеть не может нас с Лин, и ее очень злит, что мы возглавляем комитет. Почему она до сих пор в комитете? Не знаю, но могу предположить, что ради галочки в аттестате. Никакого рвения к работе она не проявляет.

– Как бы то ни было, – быстро сказала я, видя, что Лин уже готова возразить, – он будет присутствовать на наших совещаниях, нравится нам это или нет. Я только хочу вас предупредить. Он, помимо всего прочего, отстранен от лакросса до конца семестра.

Джессалин присвистнула:

– Ого, Лексингтон взялся за него всерьез.

По аудитории пробежал согласный шепоток.

– Бофорт другого не заслуживает, – сказала Лин. – Мы половину каникул планировали вечеринку «Снова в школу», а он своей акцией все испоганил. К тому же Руби сегодня пришлось целый час выслушивать придирки Лексингтона.

– Серьезно? – недоверчиво спросил Киран.

Я кивнула, а он возмущенно воскликнул:

– Но ты же не виновата, что Бофорт притащил этих людей.

Я неуверенно пожала печами:

– Мы организовали вечеринку, значит, мы с Лин за все в ответе. Нужно было внимательнее смотреть на гостей. Если так рассуждать, то вы тоже виноваты. Он хочет, чтобы мы публично извинились в Макстон-блоге, чтобы люди знали, что стриптиз не планировался.

Из-за этого я больше всего злилась на Бофорта. С тех пор, как я пришла в Макстон-холл, меня еще ни разу не отчитывали – ни учителя, ни, тем более, сам ректор. Чтобы иметь хоть малейший шанс попасть в Оксфорд, личное дело

должно быть безупречным, а тут этот Бофорт со своей ребяческой выходкой! Я не позволю испортить мое будущее какому-то идиоту, у которого слишком много времени и денег, и он не знает, чем себя занять.

– Это глупо и бессмысленно. Ты самый последний человек, виноватый в случившемся. – Киран грозно нахмурился.

Я благодарно улыбнулась ему, проигнорировав многозначительный взгляд Лин. Она еще с конца прошлого года твердит, что Киран безнадежно в меня влюблен. Но это полная чушь. Он просто очень славный парень.

Я откашлялась.

– Мы можем начать?

Все кивнули, и я указала на белую доску, на которой Лин уже написала повестку дня.

– Для начала надо проанализировать вечеринку – что прошло хорошо, а что не очень? Помимо Бофорта, конечно же. Камилла, не могла бы ты вести протокол?

Камилла метнула в мою сторону испепеляющий взгляд, но все же открыла тетрадь и взяла ручку. Лин стала описывать свои впечатления от вечеринки, а я посмотрела на время. Уже больше двух часов. Обеденный перерыв закончился. Бофорт должен вот-вот прийти. У меня внутри закралось какое-то недоброе чувство. Какая-то слабость, будто я… взволнована.

Я тут же отбросила эту мысль и включилась в дискуссию. Нам потребовалось так много времени, чтобы выслушать все мнения и предложения, что оставшиеся вопросы пришлось оставить на конец недели. Распределив между собой кое-какие задачи, мы закончили собрание. Я и Лин остались одни в аудитории, чтобы сформулировать извинение для школьного блога.

Джеймс Бофорт так и не появился за эти два с половиной часа.

Отправив написанное Лексингтону, мы с Лин попрощались. Лин пошла к своей машине. Хотя ее дом находился не так далеко от нашей школы, туда не ходил

ни один автобус, поэтому этим летом мама купила ей подержанный автомобильчик.

Мое родное местечко, Гормси, находилось в получасе езды от Макстон-холла. Облезлые фасады и неухоженные улицы: Гормси хоть и было абсолютно негламурным местом, но все же мне нравилось там жить. Меня совсем не утомляли ежедневные поездки туда-обратно на автобусе до Пемвика, где находился Макстон-холл. Как раз наоборот, это была единственная за весь день возможность расслабиться. Во время поездки я не Руби, которая никому не рассказывает о своей семье, или Руби, которая не может поделиться с семьей тем, что происходит в школе. Вместо этого я просто… Руби.

По дороге к остановке я шла мимо спортплощадки, где как раз началась тренировка у команды по лакроссу. Я смотрела на экипированных игроков, которые бегали туда-сюда по полю.

На глаза мне попался игрок под номером «17».

Я резко остановилась, подошла поближе к ограждению и взялась руками за сетку.

Да этот тип просто издевается надо мной.

Раскрыв рот, я уставилась на Бофорта, который на бегу делал передачу Сирилу Веге. Я даже отсюда слышала его дурацкий смех.

Вот же… вот… урод!

Как раз в этот момент Бофорт обернулся и, кажется, заметил меня. Свозь шлем я не видела выражение лица, но поза его резко поменялась. Она стала тверже, Джеймс поднял выше подбородок. Проклятый идиот! Позади послышался сигнал подъезжающего автобуса. Несмотря на свой гнев, я отвернулась и пошла к остановке.

Да черт с ним, пусть делает что хочет.

8

Руби

Пока Эмбер читала эссе для поступления в Оксфорд, я обводила золотой ручкой в календаре ее фиолетовое имя. От этого задание Дать Эмбер прочитать мое эссе выглядело намного официальнее и торжественнее.

– «Мой страстный интерес к политике, начиная с основ философии и заканчивая экономическими аспектами на практике, делает для меня философию, политику и экономику идеальным направлением обучения. Оно объединяет в себе все области, которыми я интересуюсь, и я была бы рада возможности погрузиться в изучение важнейших тем современного общества настолько глубоко, насколько мне может позволить только Оксфорд», – вслух прочитала сестра, лежа на спине, и замерла на мгновение. Зажав карандаш во рту, она перевернулась на живот, чтобы лучше меня видеть.

Я затаила дыхание.

Эмбер принялась скалиться. Я подняла с пола босоножку на танкетке и запустила в нее.

– Ну давай же, Эмбер, читай, – шепнула я. Стукнуло уже два часа ночи, и мы обе давно должны были спать. Но я до последнего шлифовала эссе, а поскольку сестра все равно не спит по ночам и часто до самого утра занимается блогом, я без зазрения совести пробралась к ней в комнату и попросила прочитать свою работу.

– Слишком многословно, – тихо и неразборчиво ответила она с карандашом в зубах.

– Так и должно быть.

– И еще как-то хвастливо. Ты будто выпендриваешься, что так много знаешь и читаешь специальную литературу.

– Без этого тоже никак. – Я пересела к ней на кровать. Она задумчиво помычала и обвела некоторые фразы на листочке.

– Я бы убрала эти места, – сказала она, протянув мне эссе. – Не стоит подлизываться к университету и постоянно упоминать то место, куда ты собралась поступать. Они и так знают, что они – Оксфорд. Не обязательно по двадцать раз об этом писать.

Моим щекам стало жарко.

– И правда. – Я взяла эссе и положила его вместе с ежедневником на письменный стол. – Тебе цены нет, спасибо.

Эмбер улыбнулась:

– Не за что. И я, кстати, точно знаю, чем ты можешь со мной расплатиться.

У нас с Эмбер так заведено. Одна помогает другой и придумывает, что та должна сделать для нее в ответ. Своего рода бартер – постоянный обмен одолжениями. Но если честно, то нам с Эмбер просто нравится помогать друг другу.

– Выкладывай.

– Ты могла бы взять меня, например, на одну из твоих вечеринок в Макстон-холле, – предложила она нарочито небрежно.

Я оцепенела.

Эмбер не впервые просит об этом, и каждый раз мне невыносимо больно ее огорчать. Потому что это единственное одолжение, которое я никогда не смогу ей оказать.

Я никогда не забуду родительское собрание, когда мама с папой пришли в Макстон-холл, чтобы познакомиться с учителями и другими родителями. Это было ужасно. Не говоря уже о том, что главному зданию несколько сотен лет и его никак нельзя назвать приспособленным для инвалидов. Мама с папой

принарядились – но в тот день я поняла, что «шик» в семье Белл и «шик» в Макстон-холле – это разные вещи. В то время как другие родители пришли в вечерних платьях и костюмах от Бофорта, на папе были джинсы и пиджак. Мама надела платье, которое хотя и выглядело красивым, но на нем остались пятна от муки, и заметили мы это только после того, когда одна пожилая дама бросила на него брезгливый взгляд и отвернулась, чтобы позлословить об этом со знакомыми.

У меня до сих пор разрывается сердце, когда я вспоминаю лицо мамы, преисполненное боли, которую она пыталась скрыть за натянутой улыбкой. Или папино выражение лица, когда он – на инвалидной коляске – в очередной раз упирался в порог двери, и нам с мамой приходилось ему помогать. Оба они делали вид, что их не ранит то, что другие родители морщат носы и отворачиваются от них. Но я все понимала.

В тот день я решила, что теперь у меня два мира – семья и Макстон-холл, и что с этого момента я буду их разделять. Мои родители не принадлежат к элите Англии, что не так уж и плохо. Я не хочу, чтобы они снова оказались в неудобном положении. Они и без того много пережили после папиной аварии на лодке, и не должны встречаться с тем дерьмом, что происходит в Макстон-холле.

Эмбер это тоже касается. Сестра как светлячок – ее яркая индивидуальность и открытость всегда привлекают внимание. А в Макстон-холле может произойти все что угодно. Я на своем опыте убедилась, на что способны люди, которые считают, что мир принадлежит только им. У меня кровь стынет в жилах от историй, которых я наслушалась за два года в женском туалете. С Эмбер такого не должно произойти.

Я желаю сестре только лучшего. А это точно не моя школа и ее обитатели.

– Ты же знаешь, мы не можем приводить на вечеринки посторонних людей, – запоздало ответила я.

– А вот Мэйси на выходных побывала на вечеринке «Снова в школу», – сухо возразила Эмбер. – Она сказала, что тусовка была легендарной.

– Видимо, у нее получилось обойти охрану. К тому же я тебе уже говорила, что вечеринка провалилась.

Эмбер подняла брови:

– По словам Мэйси, не было никакого провала. Наоборот.

Я сильно поджала губы и захлопнула ежедневник.

– Ну же, Руби! Сколько ты еще будешь держать меня в черном теле? Обещаю вести себя хорошо. Правда. Я сольюсь с толпой.

Ее слова задевали. Сестра не должна думать, будто я специально не зову ее на вечеринки, чтобы она никого не опозорила. От взгляда, полного надежды, сжалось сердце.

– Мне жаль, но нет, – тихо сказала я.

В одну секунду надежда в ее глазах сменилась на злость.

– Ты такая противная, честное слово.

– Эмбер…

– Просто признайся, что тебе не хочется звать меня на твои дурацкие вечеринки! – с укоризной выдала она.

Я не могла ничего ответить. Врать не хотелось, а правда сделает ей больно.

– Если бы ты знала, что на самом деле творится за кулисами Макстон-холла, то не стала бы упрашивать, – шепотом сказала я.

– Если тебе еще раз что-нибудь понадобится посреди ночи, обращайся к своим тупым школьным друзьям, – прошипела она и накрывшись с головой одеялом, отвернулась к стене.

Я пыталась не обращать внимания на пульсирующую боль в груди. Молча взяла со стола ежедневник и заявление, выключила свет и вышла из комнаты.

На следующий день я чувствовала себя разбитой, и мне пришлось воспользоваться консилером, чтобы скрыть синяки под глазами. После ссоры с Эмбер я почти всю ночь не могла заснуть. Лин, как всегда, заметила, что со мной что-то не так, но она решила, что это связано с Бофортом и катастрофой на выходных, а я не стала ее переубеждать.

После занятий я двинулась прямиком в библиотеку. Мне хотелось использовать те полчаса, что остались до заседания, чтобы вернуть книги и взять те, которых не оказалось в прошлый раз.

Библиотека была моим любимым местом в Макстон-холле. Здесь я проводила больше всего времени. Благодаря сводчатому потолку и открытому пространству она не казалась мрачной. Несмотря на темные деревянные книжные шкафы, она выглядела скорее притягательной. Прямо с порога чувствовалась царящая внутри приветливая и рабочая атмосфера. Не говоря уже об огромном количестве книг, к которым был доступ. В нашей мини-библиотеке в Гормси не хранилось ни одной книги, которая оказалась бы мне полезна для вступительного эссе, здесь же я не могла решить, с какой начать.

Я целыми днями сидела на своем любимом подоконнике у окна, во-первых, потому что это единственное место во всем Макстон-холле, где мне комфортно, а во-вторых, старые книги нельзя уносить домой. Иногда, сидя здесь, я мечтала, чтобы в сутках было больше часов. Или чтобы я могла оставаться до закрытия. Для меня это стало неким предвкушением учебы в Оксфорде. Только там, если верить сайту, библиотеки оснащены еще лучше. И открыты круглосуточно.

Разбираться с вводной литературой, список которой висел на сайте, было настоящим испытанием. Многие работы были слишком сложными, и приходилось много раз перечитывать один и тот же абзац, чтобы понять его смысл. В то же время это доставляло мне удовольствие, и я взяла за привычку конспектировать каждую книгу на отдельном буклете, дополняя прочитанное своими мыслями и заметками.

Мне повезло: те три книги, которые я хотела прочитать, снова были доступны. Я взяла их и направилась к аудитории. Я пришла раньше времени, и теперь могла не спеша написать на доске повестку дня и разобрать все свои записи. Из-за того, что в понедельник мы слишком долго обсуждали вечеринку, сегодня придется наверстать упущенное.

Я открыла дверь, прижимая к себе стопку книг. Затем положила их на стол и, прежде чем снять рюкзак, провела рукой по обложке Patterns of Democracy Аренда Лейпхарта.

– У нас с тобой свидание на выходных, – прошептала я.

Кто-то тихо усмехнулся.

Я повернулась. В этот момент рюкзак соскользнул у меня с руки и упал на пол.

Джеймс стоял на другом конце аудитории, прислонившись к подоконнику и скрестив руки на груди.

– Как-то это грустно, – сказал он.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы собраться.

– Что грустно? – спросила я, поднимая с пола рюкзак и ставя его на стол рядом с книгами. Одна из дырок на дне рюкзака от удара об пол разошлась еще больше, и я про себя выругалась. Попрошу Эмбер, чтобы она помогла заделать дырки.

– То, что у тебя в выходные свидание с учебником. – Он направился ко мне не спеша. – В природе есть сразу несколько куда более приятных занятий. Хочешь поделюсь идеями?

– Что ты здесь делаешь? – спросила я, пропустив мимо ушей его намеки.

– Ты разве не слышала, что сказал Лексингтон? Пора стать более ответственным и понять, что у моих поступков есть последствия. – Он насмешливо повторил слова ректора.

Я расстегнула рюкзак и достала оттуда ежедневник, пенал и папку с материалами оргкомитета.

– И ты вдруг решил прислушаться к чужим словам?

Я смотрела в глаза Джеймса и никак не могла прочитать его мысли.

– Но ведь у меня нет выбора, не так ли?

Я усмехнулась:

– Позавчера ты сделал свой выбор.

Он лишь пожал плечами. Видимо, тренер устроил Джеймсу взбучку, когда увидел на тренировке. Так ему и надо.

– И вот я здесь. Ты не рада? – Он наклонился и поднял что-то с пола – ручку. Должно быть, она выпала из рюкзака. Джеймс протянул ее мне. Этот жест показался довольно дружелюбным, я поперхнулась, не зная, что сказать.

– Наказание продлится всего семестр, Джеймс.

Выражение его лица изменилось. Он как будто перестал смотреть сквозь меня и теперь смотрел прямо в душу. В глазах заиграл огонь, обжигающий изнутри и вызывающий во мне трепет. От волнения стало покалывать в животе. Джеймс резко вернулся на место.

– Это не отменяет того факта, что я все это искренне ненавижу.

Сердце бешено колотилось, а он в это время, скрестив руки, сел на стул и стал смотреть в окно.

Не знаю, что он имел в виду под «этим». Связано ли это с тем, что ему запретили играть в лакросс, или что ему приходится проводить время в библиотеке. Или, может, он намекал на меня. Но я переживу.

Слишком много поставлено на кон, чтобы позволить избалованному богатому мальчику все испортить. Нам обоим нужно просто смириться с обстоятельствами, и чем раньше мы это сделаем, тем легче сможем пережить это время.

Не говоря больше ни слова, я повернулась к белой доске и записала повестку дня. Мне не давало покоя чувство любопытства: смотрит ли Джеймс сейчас на меня; но гордость не позволяла обернуться. К счастью, дверь в аудиторию открылась.

– Прошу прощения, наш домашний принтер заглючил, и мне пришлось задержаться, чтобы распечатать эссе, зато теперь оно у меня, и… – Лин оборвала фразу, увидев Джеймса.

– Приветик, – сказал он.

Интересно, он со всеми так здоровается? И преподавателям в Оксфорде тоже скажет «приветик», когда его пригласят на собеседование?

– А этот что здесь делает? – спросила Лин, продолжая смотреть на Джеймса.

– Отбывает наказание, – честно ответила я.

Джемс промолчал. Затем нагнулся, открыл сумку, достал оттуда записную книжку и положил перед собой на стол. Она была в черном кожаном переплете с тисненой витиеватой буквой «Б» – логотип компании «Бофорт». Определенно очень дорогая штука. Мы раз были в одном из их магазинов, когда подбирали папе новый костюм. Это случилось несколько лет назад, когда ему из-за аварии приходилось часто появляться в суде. До сих пор помню тот четырехзначный ценник, увидев который, мы, пробыв в магазине две минуты, начали незаметное отступление.

Рядом покашляла Лин. Застигнутая врасплох, я быстро отвела взгляд от Джеймса и разозлилась, что покраснела уже в который раз за сегодня. К счастью, Лин достаточно тактична, чтобы никак это не прокомментировать.

– Вот. – Она протянула файлик с листами. – Мое эссе.

Я достала свое из папки и протянула ей:

– А вот мое. Но его еще нужно доработать.

– Мое тоже, – призналась Лин. – Поэтому давай поторопимся. До завтра успеешь посмотреть?

– Конечно. Можем обсудить их после математики, там у нас есть свободный час. – Я тут же достала золотую ручку и записала в ежедневнике: «Прочитать и отредактировать эссе Лин».

– Я польщена, что мое имя написано особенной ручкой, – сказала Лин и улыбнулась. Улыбнувшись ей в ответ, я продолжила писать план на доске, пока подтягивалась остальная часть нашей команды. Все сдержанно смотрели со стороны на Джеймса, все, кроме Камиллы, которая чмокнула его в обе щеки.

Когда ребята собрались, мы начали обсуждение.

– Самый важный пункт на сегодня – второе мероприятие этого года, – лицо Лин просияло: – Хэллоуин.

Киран издал тихое и зловещее «Ух-хууу», и все засмеялись.

– Бал-маскарад в том году очень хорошо прошел, – продолжила Лин и открыла на ноутбуке слайд-шоу с прошлогоднего вечера. Она развернула экран и специально подняла его повыше, чтобы все могли увидеть фотографии.

– А нельзя просто сделать то же самое? – предложила Камилла. – Я к тому, что, если всем все так понравилось, это сэкономило бы кучу времени и сил.

– И речи быть не может. – Лин удивленно посмотрела на нее, на что Камилла лишь пожала плечами.

Я в это время переместилась к чистой части доски и написала заголовок: «Хэллоуин». И еще обвела его в овал.

– Сегодня мы должны выбрать стиль вечеринки, – объявила Лин. – Проведем мозговой штурм?

Ненадолго воцарилась тишина.

– Я знаю только, чего я точно не хочу, – начала Джессалин.

– Выкладывай. Так мы хотя бы обозначим границы, – сказала я и жестом велела ей продолжать.

– Не хочу ничего оранжевого. Черно-оранжевые декорации выглядят по-детски, это не для Макстон-холла.

Я кивнула и записала в правом верхнем углу доски «стильные декорации».

– А как насчет черно-белого? – предложил Дуглас, самый молчаливый член команды, поэтому его предложение меня приятно удивило. Я улыбнулась.

– Черно-белый – это слишком избито.

В аудитории воцарилась мертвая тишина.

Я медленно повернулась. Джеймс сидел, откинувшись на спинку стула, его расслабленная поза сильно контрастировала с напряжением, быстро заполнившим пространство.

– Что-что? – Лин как с языка у меня сняла.

– Черно-белый – это слишком избито, – повторил Джеймс так же сухо, как и в первый раз.

– Да это я и с первого раза услышала, – сквозь зубы процедила Лин.

Он удивленно посмотрел на нее:

– Тогда я не понимаю вопроса.

– У нас мозговой штурм, Бофорт. Мы предлагаем идеи и записываем все, не комментируя, чтобы таким образом прийти к общему решению, – объяснила я как можно спокойнее.

– Я в курсе, что такое мозговой штурм, Белл, – заявил он и кивнул в сторону доски. – И скажу тебе, это делается не так.

– И это говорит человек, которому для хорошего настроения нужны стриптизеры.

– Я вызвал их только потому, что знал, какой унылой будет ваша вечеринка.

Никто ничего не ответил, но я буквально кожей чувствовала напряжение вокруг. Все, кроме Камиллы, уставились на Джеймса, но его это, казалось, не особо волновало. Он удивленно огляделся:

– Да ладно, а вы словно не заметили этого.

– Если ты и правда так думаешь, значит, у тебя не все дома, – сказал Киран, и Джессалин кивнула.

– Ребята, – вмешалась я и растерянно посмотрела на них обоих. – Держите себя в руках. – Уголки губ Джеймса задрожали, и я направила на него ручку, будто пистолет: – Не надо ухмыляться. Мы почти все каникулы планировали вечеринку. И она не была унылой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kasten_mona/spasi-menya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити